

МАРГАРИТА ДЮЖЕВА

ОТБОР
ДЛЯ НЕУДАЧНИЦЫ

Наследники Туарии

Маргарита Дюжева
Отбор для неудачницы

«Автор»

2022

Дюжева М.

Отбор для неудачницы / М. Дюжева — «Автор»,
2022 — (Наследники Туарии)

Отец уже отчаялся выдать меня замуж, когда неожиданно подвернулся шанс поучаствовать в отборе невест. Не знаю, как там остальные изнеженные претендентки, но лично я готова ради победы на все. А что? Победительница получит столько золота, сколько весит сама, да и молодой жених в хозяйстве пригодится. К тому же он огненный маг, кареглазый блондин и просто красавец.

© Дюжева М., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	32
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Маргарита Дюжева

Отбор для неудачницы

Глава 1

– Ксанка!

Голос сестры неожиданно раздался над самым ухом. Громкий, пронзительный, с визгливыми нотками на заднем плане. Это на людях она соловьем разливалась, а со мной вечно вела себя как особа королевских кровей.

– Отец зовет!

– Сейчас! – пропыхтела я, сдувая прядь волос, настырно липнувших к вспотевшему лбу. Пришлось держать ногу молодому жеребчику, пока конюх расчищал копыто.

– Немедленно!

– Иди, – шепнул конюх, – дальше я сам. Тут немного осталось.

Кивнула и, с трудом разогнувшись, повернулась к Илоне.

Сестра, как всегда, в красивом платье, с игривыми завитками белокурых волос, в аккуратных туфельках смотрелась посреди конюшни как нечто инородное. Она медленно прошлась по мне брезгливым взглядом – от растрёпанной шевелюры до расхлябанных сапог, которые на два размера больше, чем нужно.

– Ты отвратительно выглядишь! И пахнешь!

– И тебе спасибо, дорогая! Давай обнимемся по-сестрински, – распахнула я объятия и с кровожадной улыбочкой шагнула к ней.

– Не смей ко мне прикасаться! – завопила Илона и бросила прочь, смешно поднимая юбки, чтобы не замараться. Выскочив из конюшни, она обернулась ко мне и ядовито выплюнула: – Отец зовет! Немедленно!

– Да иду я, иду!

Илона все-таки дождалась и теперь шагала рядом, то и дело бросая на меня недовольные взгляды.

– Как хорошо, что я выхожу замуж!

– И не говори-ка! – здесь я была с ней полностью согласна.

– Жду не дождусь, когда уеду к мужу, и ты перестанешь раздражать меня своим существованием!

Илона через две недели выходила за сына богатого купца и не упускала случая этим похвастаться, особенно передо мной. Мне-то купец точно не светил. Разве что конюх. Если повезет.

Отец уже отчаялся удачно выдать меня замуж. Не нашлось еще принца, потерявшего дар речи, едва завидев мой дивный лик. Слабые нынче принцы пошли, им все нежных феечек подавай, чтобы пылинки с них сдувать и защищать. А я сама кого хочешь защитить могу, а уж дуну так, что мало не покажется. Да и замуж, если честно, не рвусь. Были бы у меня деньги, уехала бы из нашей провинции и отправилась путешествовать по белу свету.

Но денег нет. Зато хлопот – хоть отбавляй. Усадьба в упадке, дел невпроворот, а, кроме меня, это, похоже, никого и не волнует. Сестра только о платьях да прическах думает, отец вечно строит грандиозные планы как разбогатеть и при этом ничего не делать. Ему не давало покоя, что когда-то наш древний род славился своим богатством, но нам его не досталось – дед все проиграл в азартных играх.

Маменька была занята общественной работой: состояла в клубе славных жен Боунса. Они собирались два раза в неделю у одной из участниц клуба, пили чай с вишневым вареньем и

с серьезным видом обсуждали насущные проблемы. Говоря по-простому – перемывали кости остальным жителям Боунса.

Вот так и жили.

Гадая, зачем меня позвал отец, я зашла внутрь дома с черного хода, скинула сапоги, чтобы не топтать чистые полы – кроме меня, их мыть некому, и пошла в гостиную, откуда доносились мужские голоса.

Один из них принадлежал отцу, а вот второй я слышала впервые.

Сестра, не скрывая недовольства, шла рядом, но обогнала меня у самых дверей и первая скользнула в комнату. Я только головой покачала и шагнула следом.

У окна стояли двое: отец, непонятно с чего облачившийся в свой лучший камзол, который уже не застегивался на объемном животе, и высокий седовласый мужчина с военной выправкой. Увидев нас с Илоной, он учтиво поклонился. Посмотрел сначала на смиренно улыбавшуюся аккуратную сестру, потом на растрепанную, потную меня и снова повернулся к сестре.

Понятное дело. Она ему понравилась больше. Илона маленькая, хрупкая, с белокурыми волосами, обрамляющими лицо-сердечко, и огромными синими, словно небо, глазами. Я же роста приличного, да в придачу... широка в кости. Да. Пусть будет так. Широка в кости. Негоже признаваться, что кто-то любит плюшки по ночам уплетать, да котлетами втихаря закусывать. Сестра отличалась аристократичной бледностью, а я загорелая как крестьянка, да еще и с обветренными губами. Волосы с рыжим отливом вечно растрепаны, а глаза темно-зеленые, словно тина болотная.

В общем, Илона всегда всем нравилась, а меня рядом с ней никто не замечал.

Я уже привыкла. И даже не обижалась. Почти.

– Дамы, – учтиво произнес наш гость, – меня зовут Лэнд Барсон. Я герольд наместника Ралесс.

Илона ахнула, приложила ладонь ко лбу и вроде даже собралась упасть в обморок. Вестник галантно подхватил ее под руку и, как истинный спаситель хрупких дев, проводил к дивану, помог присесть. Мне помогать никто не собирался, да и новость не произвела на меня такого впечатления, как на сестру. Поэтому я осталась стоять, неуклюже перетаптываясь с ноги на ногу.

Отец недовольно посмотрел на мои босые ступни и покачал головой, пришлось незаметно отступить за кресло, чтобы не смущать важного гостя своими запачканными пятками.

– Итак, – продолжил он раскатистым голосом, – я здесь для того, чтобы сообщить прекрасную новость: сын наместника вернулся со службы, и по старинной традиции в середине лета состоится отбор невест, на который приглашены девицы из самых древних родов.

Ух ты! Отбор! Невест! Хотела бы я на него попасть! Говорят, там денег можно немало получить, да и сын наместника в хозяйстве пригодился бы.

Но... Увы и ах. Кому нужна широкая в кости неудачница Ксанка, когда есть хрупкая и нежная Илона?

Вот и сейчас Барсон достал свиток, перевязанный алой лентой, и шагнул к сестре, восторженно обмахивавшейся изящной ладошкой. Ее щеки заливал красивый трогательный румянец, а глаза сияли, как два сапфира. Мне даже завидно стало.

– К сожалению, – произнес он таким голосом, в котором не было и капли этого самого сожаления, – по закону каждая из семей имеет право отправить на отбор только одну из своих дочерей.

При этом смотрел на меня. Я только плечами пожала. А что еще оставалось делать? Не отбирать же силой заветный свиток? Хотя, если очень постараться, я бы, наверное, смогла. От этих мыслей захотелось хихикнуть, но я сдержалась. Тем более отец смотрел так строго, что мороз по коже прошел.

– Поставь вот здесь свою подпись, – ласково, чуть ли не по-отечески говорил Лэнд Барсон, обращаясь к сестре.

– Да-да, – восторженно лепетала она, мысленно уже видя себя женой сына наместника.

– Вот здесь, – снова указал герольд, – этой подписью вы даете согласие на участие в отборе и гарантируете отсутствие у вас других брачных обязательств.

Тонкая рука сестры, сжимавшая перо, остановилась в сантиметре от пергамента, а потом мелко затряслась. Илона вскинула беспомощный взгляд на отца. Тот насупился и безмолвно шлепал губами, пытаясь найти слова.

– В чем дело? – улыбнулся вестник, приняв состояние Илоны за волнение перед важным шагом. – Смелее.

– Понимаете, – произнес отец слегка осипшим голосом, – она помолвлена.

Барсон тут же выпрямился и выдернул свиток из-под дрожащего пера.

– Это ведь неважно? Мы сегодня же исправим это досадное недоразумение, – папенька заискивающе улыбнулся, заглядывая в глаза седовласому мужчине.

– Исключено, – от ласкового тона не осталось ничего, – правила для всех одинаковы. Никаких помолвок, женихов и прочих обязательств. Девушка должна быть абсолютно свободна.

– Я свободна! – с чувством вскрикнула Илона, но тут же стушеввалась под внимательным взглядом. – Буду свободна... уже сегодня!

– Мне жаль, – герольд был неумолим.

И я, к своему стыду, испытала приступ злорадства при виде того, как расстроено вытянулось лицо сестры. А как тут не расстроиться, когда из-за какого-то купца сынок наместника мимо сетей проплывает?!

– Как это ни прискорбно, но ваше семейство не сможет принять участие в таком важном для страны событии.

И вот тут мой выход. Во всей красе.

– Как это не сможет? – шагнула к седовласому мужчине. – А как же я? Чем не невеста?

Покрутилась вокруг своей оси, демонстрируя все свои внушительные прелести.

– Залетных женихов нет. Проблем с законом тоже. Здорова, как лошадь.

– Я вижу, – промямлил он, отступая под моим натиском, – но...

– Есть другие причины, по которым я не могу участвовать? – посмотрела на него в упор, нагло вскинув бровь.

– Н-нет, – он аж заикнулся, – но...

– Давайте перо! – выдрала у него из рук свиток и поставила размашистую подпись напротив слова «согласна». – Все! Ждите! Я приеду. Жениху привет передавайте!

– Он будет рад, – пролепетал обескураженный вестник и попятился. Потом, не сводя с меня подозрительного взгляда, убрал в карман документ, раскланялся и пошел к дверям.

– Может, чайку? – предложила, решив напоследок показать свою гостеприимность.

– Не-не, спасибо, – он испуганно замахал руками, юркнул за дверь и был таков.

В гостиной повисла тишина. Ровно на три минуты. Потом сестра вскочила на ноги и заорала во весь голос:

– Ты! – ткнула в мою сторону аккуратным, розовым пальчиком. – Ты!

– Я, – покорно согласилась и кивнула для пущей убедительности.

– Как ты посмела?! Влезть вместо меня! Это мой отбор! Мой сын наместника! Мой!

– А как же сын купца? – насмешливо напомнила о женихе. – Не ты ли пятнадцать минут назад мечтала выскочить за него замуж?

– Да плевать мне на этих купцов! – от негодования она даже ногами затопала.

Красивый нежный румянец исчез, и вместо него по щекам, шее, декольте пошли бордовые пятна.

– Прости, дорогая, – я смиренно улыбнулась, – но на отбор придется ехать мне.

– Отец! – завопила она. – Скажи ей!

Папенька стоял все там же у окна и сконфуженно потирал лиловый нос.

– Пусть она выходит за этого никчемного купца, а я поеду в Ралесс! – сестрица капризно топнула ногой. – На отбор!

– Милая, – начал он, пытаясь подыскать слова, – боюсь, это невозможно. Ты же слышала, что сказал герольд: никаких брачных обязательств. А мы столько сил потратили на заключение выгодного союза. Теперь поздно идти на попятный.

У нее от обиды затряслись губы, а из глаз побежали крупные злые слезы.

– Тем более Ксанка уже поставила свою подпись...

– Мерзавка! – снова заорала сестрица и бросилась ко мне, намереваясь проучить за наглость. Правда, тут же остановилась, наткнувшись взглядом на мою чумазую одежду. – Ты посмотри на нее! Она нас всех опозорит!

– Хм? Что не так? – Я шагнула к большому зеркалу в старинной оправе и придирчиво осмотрела себя со всех сторон.

По-моему, очень даже ничего! Крепкая такая, добротная девушка. Кровь с молоком. Умыться, причесаться, так вообще цены не будет.

– Что не так?! – Илона зашипела, как рассерженная гусыня. – Где ты и где Ралесс?! Тебе только по полям носиться да в хлеву вилами махать!

Вот это уже обидно.

– Кто-то же должен работать, – прохладно ответила на ее выпад.

– Вот иди и работай! И не лезь туда, где ни черта не понимаешь!

– Девочки, успокойтесь! – взмолился отец.

– Она даже столовую вилку от десертной не отличит! И реверанс сделать не сможет, как подобает леди!

– Уверен, она постарается, – папа повернулся ко мне и с измученной надеждой спросил, – ведь постараться?

– Изо всех сил.

– Даже если у тебя не получится победить в отборе, попробуй найти жениха при дворе, – сморщившись, словно сушеная слива, он уставился на мои грязные ноги, – какого-нибудь графа...

Илона фыркнула.

– Купца...

Фыркнула еще громче.

– Ну хотя бы повара...

– Ха! Да ее, кроме повара, никто и не прокормит! – припечатала сестра, а я оскорбилась. Это почему я не смогу победить? И почему это меня только повар прокормит?

– Если очень захочу, я там всех обойду, – насупилась и посмотрела на родственников.

– Ха-ха-ха! Спорим, тебя вернут домой в тот же день? На первом же испытании провалишься! Хотя больше вероятность, что опозоришься еще на подходе к замку! – она сморщила свой хорошенький носик и одарила меня презрительным взглядом. – Там будут настоящие леди, дочери древних семейств, а не крестьянки чумазные.

– Посмотрим.

– Чего смотреть? Ты – неудачница! – победно улыбаясь, указала на меня пальцем.

– Хм, и тем не менее на отбор еду именно я, – услужливо напомнила зарвавшейся сестре, не без злорадства наблюдая за тем, как у нее снова вытянулось лицо. – А теперь простите, мне еще в хлеву вилами помахать надо.

Развернулась на пятках и пошла обратно к черному входу, чувствуя, как две пары глаз прожигают мне спину. Пока натягивала сапоги, слушала, как сестра кричит на весь дом:

– Пап! Ну сделай что-нибудь! На этом отборе должна быть я!

Отец пытался ее утихомирить, но без толку.

– Фигу тебе, а не отбор, – прошипела я под нос и вышла на крыльцо.

Полуденное солнце заливало широкий двор, кругом носились суматошные куры, возле корыта чинно вышагивали жирные гуси, а между ними сновали юркие воробьи, пытаясь стащить что-нибудь съестное.

Мне, конечно, будет не хватать нашей усадьбы, но если все-таки удастся победить – уеду отсюда, не оглядываясь.

Глава 2

– Вы издеваетесь? Да?

Отец невозмутимо смотрел в окно, мать так же невозмутимо вязала пестрый косой шарф. Кстати, вязать она не умела, но не сдавалась, периодически радуя членов семьи обновкой, которую и надеть стыдно, и выбросить жалко.

Никто из них даже бровью не повел в ответ на мое негодование, поэтому я продолжал еще громче:

– Какой отбор?! Какие невесты?! Вы, вообще, о чем?!

– Древняя традиция. Красивая. И незаслуженно забытая, – протянула мелодичным голосом маменька и улыбнулась. Не то ласково, не то со скрытой насмешкой.

– Отборы уже лет сто как вышли из моды! – посчитал своим долгом напомнить родителям о суровой действительности. – Уже давно никто не организует все эти смотрины, испытания...

– И очень зря, – отец сокрушенно покачал головой, – очень. Это же так прекрасно! Двадцать нежных девушек борются за внимание жениха, демонстрируют свои таланты, умения. Ты права, дорогая, мы должны возродить эту традицию.

У меня задергался глаз, а шторы начали ненавязчиво дымиться.

– Держи себя в руках, дорогой, – мать выразительно посмотрела сначала на штору, потом на меня.

Как тут сдержаться, если они всякие глупости несут?!

– Может, оставите меня в покое? Я и сам справлюсь, без отборов.

– Справишься? – мать отложила в сторону кривое вязание и подошла ко мне, грозно уперев руки в бока.

Несмотря на то, что я выше ее почти на две головы, она умудрялась смотреть на меня свысока.

– Справишься? – в голосе появились стальные нотки.

– Ну да...

– Я видела, как ты справляешься. Ни одной девки не пропустишь.

– Ты преувеличиваешь, – проворчал я.

– Скорее преуменьшаю! – мать была категорична. – Мы с отцом надеялись, что ты в академии себе невесту найдешь, ну или после того как вернёшься со службы за ум возьмешься. В итоге что?

– Что? – переспросил, как баран.

– Ничего! И из академии никого не привез, и за ум не взялся.

Я не стал говорить, что держаться за юную красотку гораздо приятнее, чем за ум – мать и так была на взводе.

– Возмусь в самое ближайшее время, – пообещал с кислой улыбкой, мечтая прекратить дурацкий разговор.

– Конечно, возьмешься. Приглашения разосланы, претендентки явятся через неделю, – огорошил новостью отец.

– То есть как через неделю?

Шторы снова задымились, а потом вспыхнули. Мать, не глядя, щелкнула пальцами, и огонь моментально погас, а шторы потемнели от воды. Еще щелчок – и они снова стали сухими, хоть и немного подпаленными.

– Через неделю. Двадцать претенденток. Приедут в Ралесс. На отбор.

– Вы серьезно, что ли? – я никак не мог поверить в то, что все это реальность, а не дурацкий сон. Переводил изумленный взгляд с одного на другого, ожидая, что они сейчас рассмеются и скажут «шутка».

– Серьезнее не бывает. Выбирай себе наперсника и вперед, готовиться к встрече с судьбой.

– Я не хочу никакого отбора! Вдруг там все кривые, косые и бестолковые?! Вдруг мне никто не понравится?! Давайте я сам себе найду подходящий вариант?!

– У тебя был идеальный вариант. Эльвира! – напомнила матушка. – Но ты ее проворонил.

– Мы просто не сошлись характерами...

– Да? А мне вот ее матушка поведала совсем другую историю, – она сложила руки на груди и посмотрела на меня исподлобья.

Начина-а-ается...

– О том, как Эля застала тебя без порток в компании другой девицы.

– Мам! – Одно дело перед друзьями победами хвалиться, и совсем другое, когда родительница отчитывает за несдержанность. Я даже почти смутился и покраснел. – Я сам во всем разберусь.

– Поздно. У тебя неделя, готовься!

– Вы не имеете права меня заставлять!

– Имеем. Читай законы. Наместник вправе организовать отбор для своего наследника, и наследник не может отказаться от этой чести. Так что вперед, дорогой мой, навстречу судьбе.

У меня все слова закончились. Стоял посреди комнаты с разведенными руками и только ртом хлопал, не произнося ни звука, а родители смотрели на меня, и в их взглядах ясно читалась непоколебимая решимость.

В этот момент я с поразительной четкостью осознал весь ужас положения.

Отбору быть.

– Ты представляешь, Джер! Отбор! Отбор, мать его, как в стародавние времена! – я метался по комнате из стороны в сторону, едва сдерживаясь, чтобы не спалить все к чертовой бабушке. – Уму непостижимо!

Ледяной маг наблюдал за моими мучениями лениво, даже как-то снисходительно, и по большей части молчал. А я орал, как потерпевший. Потому что зла не хватало!

– Это они специально! Проучить меня захотели! Видите ли, за ум я никак не возьмусь! Поэтому решили притащить в Ралесс двадцать девиц...

– Хм, а чем ты недоволен? Все как ты любишь, – подколот друг.

– И ты туда же?! Мне вообще сейчас не до шуток! – со всей мочи пнул стул, попавшийся на пути. Тот отлетел в стену и с надсадным криком развалился. – Проклятье, знал бы что впереди такая засада ожидает – отбил бы у тебя в Академии фею и женился на ней.

– Мечтай больше, – хмыкнул Джер, – Вита на тебя даже не смотрела.

– Это потому что я не старался, – огрызнулся для вида, прекрасно зная, что он прав. Отважная феечка, кроме своего ледяного мага, никого не замечала, разве что джиннов. Но это совсем другая история. – У вас, кстати, когда свадьба?

– В конце лета.

– Хоть одно хорошее событие. Надеюсь, я приглашен?

– Естественно. Ты и твоя избранница... с отбора, – мерзавец широко улыбнулся.

Огненный шар появился ниоткуда и с треском устремился к нему. Джер легко уклонился, выставляя перед собой ледяной щит. Огонь и лед столкнулись с ослепительной вспышкой и исчезли, оставив облако пара. Зато гнев немного поутих, и на его место пришла бесконечная усталость.

– Не будет никакой избранницы, – тяжело опустился в кресло и, откинувшись на мягкую спинку, потер ладонями лицо.

– И как ты выкрутишься? На отборе всегда должна быть победительница. Этого требуют правила. Исключение лишь в том случае, если ни одна из них не сможет достойно дойти до финала. Тогда ты можешь дать всем от ворот поворот, аргументировав тем, что достоин большего.

– Значит, не дойдет. Никто. Они не справятся.

– Я бы на твоём месте не стал бы недооценивать девушек, стремящихся выскочить замуж за сына наместника, – Джер уселся в кресло напротив, – они насмерть будут биться, пытаясь привлечь твоё внимание.

– Пускай хоть перебьют друг друга, мне всё равно. Главное, чтобы никто не победил. Может, мне их отравить? Попросить знакомую ведьму наслать порчу? Или по одной выкрасть и спрятать где-нибудь в Диких Дебрях? – с надеждой посмотрел на приятеля. Тот только плечами пожал, энтузиазма в глазах – ноль. – Согласен. Ерунду говорю. Если кто-нибудь узнает, то начнутся разговоры, обвинения, скандалы. Нужно что-то другое. Надо тоньше сыграть, чтобы родители не придрались и не заставили начинать отбор заново.

– Есть варианты?

– Да. Родители правы. Надо наведаться в библиотеку и почитать законы, касающиеся этого отбора. Наверняка есть что-то, какая-нибудь лазейка.

– Удачи.

– Ты не со мной? – удивленно взглянул на него.

– Извини. Дела. Да и фею надо проверить.

– Боишься, что рядом с ней нарисует какой-нибудь залетный джинн?

– Нет. Просто соскучился. Дурацкие правила не позволяют забрать к себе невесту до свадьбы. Приходится вот так, набегам. К тому же я только что в присутствии родителей дал согласие быть твоим наперсником, а значит не могу помогать тебе отлынивать от отбора.

– Ну и проваливай. Тоже мне друг, – проворчал больше для вида и махнул рукой.

– До встречи через неделю... женишок, – ухмыльнулся ледяной маг.

Я снова метнул в него огненный шар, но Джер уже растворился в воздухе.

– Нахал, – проворчал я себе под нос, ещё немного посидел, гневным взглядом буравя стену, а потом вскочил на ноги.

Пора в библиотеку. Надо как-то спасти свою жизнь и свободу.

Глава 3

Маменька восприняла новость о том, что я отправляюсь на отбор, весьма достойно. Не стала хвататься за голову и вопить, что я всех опозорю. Даже не спросила, почему в Ралесс еду именно я, а не прекрасная утонченная Илона.

Ее больше волновало, во что меня рядить. Платьев у меня – кот наплакал, я больше брюки люблю. В них удобнее и верхом прокатиться, и через крапиву безболезненно пройти, и пробежаться.

В тот же день была проведена инспекция моего гардероба, и результаты оказались неутешительными. Одно платье – темно-фиолетовое крупной вязки, в котором я похожа на увесистый баклажан. Другое – ситцевое с рукавами-фонариками, едва прикрывало колени и совершенно не подходило для большого города. Черное с кружевным воротничком, наверное, должно было выглядеть элегантно, но я в нем смотрелась, как большая сытая муха в глубоком трауре. Остальные платья и того хуже: где-то рваные, где-то с бурыми пятнами от одуванчиков, а у одного вообще отсутствовал рукав.

– М-да... – протянула матушка, растерянно осматривая мои богатства, – как-то мы упустили из виду, что ты у нас тоже девушка.

Конечно! Все Илонку свою в шелка кутали! Но здесь, чего уж лукавить, моя заслуга – я сама всеми силами избегала походов в магазин и довольствовалась малым, никогда не выпрашивая обновок. Меня все устраивало. До того самого момента, когда оказалось, что нечего надеть на отбор, будь он неладен.

– Надо пошить платьев! У нас есть всего неделя, чтобы приодеть тебя, – решительно сказала маман, сгребла в охапку мои старые вещи и вышла из комнаты.

А я пригорюнилась. Это придется теперь по лавкам да по портнихам бегать! Вот не было печали, жила себе тихо-мирно, и на тебе, пожалуйста.

Зато надо было видеть лицо Илоны, когда за завтраком родительница сообщила, что мы поедем в город покупать мне обновки. Сестра подавилась омлетом, некрасиво захрипела, так что слезы на глазах навернулись. Едва отдышавшись, схватила за стакан, сделала пару больших глотков чая и только после этого просипела:

– Обновки?! Ей?! С какой стати?!

Отец прикрылся газетой, проворчав что-то типа «ох уж эти женщины», а мама невозмутимо повела плечами:

– Она едет в Ралесс и должна выглядеть достойно в глазах наместника и его сына.

Илона закричала зубами и яростно уставилась на меня. Если бы взглядом можно было убивать, я бы уже корчилась на полу в предсмертной агонии.

– Я тоже хочу новое платье! – потребовала сестра.

– Мы уже покупали тебе, неделю назад. Два новых платья, а еще и на свадьбу заказали. Между прочим, у лучшей портнихи Боунса!

– Ну и что?! – сестра капризно надула губы. – Ей, значит, покупаете, а мне нет?!

– А ничего, что обычно наоборот? – прохладно поинтересовалась я.

– Ничего! Мне нужнее! А на тебе платья, как шапка на чайнике!

– Илона, – строго сказала мать, глянув на сестрицу так, что та притихла, – прекрати. Каждый человек прекрасен по-своему. И Ксанка наша – красавица. Она еще там всем покажет.

Сестра недовольно губы поджала и отвернулась, а я благодарно улыбнулась матери. Приятно, когда в тебя верят, несмотря ни на что.

Завтрак продолжился в напряженной тишине, потом я ушла к себе готовиться к поездке в город, а сестра продолжила скандалить и требовать справедливости, которая в ее глазах выглядела так: ей – все, а мне – ничего. Бедняга, ее просто рвало на части от того, что я не только

еду на отбор вместо нее, так меня еще и наряжать собираются. В общем, кричала она, кричала, ногами топала, слезы из себя давила, в итоге все закончилось тем, что сестрица увязалась вместе с нами и выторговала себе шляпку.

Не скажу, что обрадовалась такой компании. Я и так не люблю все эти примерки, а тут еще язва белобрысая под боком вьется и зудит, всеми силами стараясь испортить настроение. Она отпускала язвительные комментарии о моей фигуре, насмехалась, картинно жалела бедную портниху, которая никак не могла замотать меня в кусок голубого атласа и сделать красивую драпировку там, где она должна быть по фасону, а не там, где у меня гуще бока выпирали. Сама примеряла платья, которые идеально садились на точеной фигурке и крутилась передо мной со словами:

– Учись, как надо.

Я держалась, как могла, утешая себя мыслью, что это не может продолжаться вечно. Рано или поздно сестрица выдохнется, потеряет запал и заткнется. Но не тут-то было. Она, наоборот, все больше распалялась, и когда маменька прохаживалась мимо прилавков, подбирая ткани и украшения, сестра всячески позорила меня перед случайно забредшими в салон покупателями.

Ей все-таки удалось выбить меня из колеи, и спустя два часа я мечтала только об одном – вернуться домой и больше никогда и ни за что не ходить по модным салонам. Не мое это, не мое! Мне проще в поле, в венке из ромашек, чем здесь – в шелках и атласе.

– Тебе очень идет этот цвет, – умилилась маменька, глядя, как портниха изо всех сил пытается упаковать меня в небесно-голубое атласное платье. Я стояла, уперевшись руками на стол, а мадам Адлер затягивала шнуровку на корсете.

– Выдохни, милая, – произнесла она совсем не ласково, с ожесточением сдувая со своего вспотевшего лица волосы, которые выбились из некогда аккуратной прически.

Я выдохнула насколько могла, мне даже показалось, что живот к спине прилип, а она снова рывкнула:

– Я сказала – выдохни, а не вдохни! – и дернула за шнурки так, что у меня искры из глаз посыпались, пришлось ухватиться за край стола, чтобы не повалиться на пол.

Илона хихикнула и, развернувшись к зеркалу, любовно погладила себя по плоскому животу и гладким бокам. Портниха бросила на нее завистливый жадный взгляд, а потом снова с ожесточением переключилась на меня:

– Не дыши! Не шевелись!

– Может, не надо? – простонала измученно и посмотрела на родительницу, обмахивавшуюся кружевным веером.

– Еще как надо, – прошипела портниха и с громким «хы» снова дернула шнурки, – я, по-твоему, зря тут полчаса потом обливаюсь? Терпи!

Она тоже состояла в клубе славных жен Боунса и была давней подругой маменьки, поэтому особо не церемонилась в выражениях.

– Что ж ты такая объемная, милочка?! Вон, смотри на сестренку свою – любо-дорого смотреть, а уж наряжать ее – одно удовольствие.

Я что-то промычала – из-за тугого корсета не хватало воздуха, и перед глазами плавали темные круги, а Илона самодовольно улыбнулась и смерила меня надменным взглядом.

– Это она в бабку пошла. Леди Изольда тоже была крупной женщиной, но такой грациозной! Не шла, а словно белая лебедь плыла, все мужчины шеи себе сворачивали, провожая ее взглядом.

– Ксанка у нас та еще лебедушка, – Илона не упустила возможности воткнуть очередную шпильку в мою и без того потрепанную сегодняшними примерками самооценку.

– Если бы не знала, ни за что бы не подумала, что ты их родила от одного мужа, – мадам Адлер иногда была чрезмерно беспардонна, – подумала бы, что ты ее где-то на стороне нагуляла.

– Вообще-то они не просто сестры, а близнецы, – прохладно ответила мама, – появились на свет с разницей в пятнадцать минут. Так что нагулять я бы ее точно не успела. Просто Илона пошла в мою родню по материнской линии, а Ксанка – в родню по отцовской. Вот и получились девочки настолько разные.

– И куда же вы ее так наряжаете? – мадам закончила со шнуровкой и переключилась на драпировку, – жениха, что ли, нашли?

– Ксаночка у нас едет на отбор невест, – гордо произнесла мама и, выдержав театральную паузу, ответила с придыханием, – для сына наместника Ралесса.

– Да ты что?! – мадам Адлер так и замерла с открытым ртом.

– Да. Мы получили приглашение.

Портниха хмурилась и переводила взгляд то на меня, то на сестру, не решаясь озвучить вслух свои мысли. А потом все-таки задала вопрос:

– Вы уверены, что отправляете на отбор ту дочь, которую нужно? Мне кажется, у Илоны было бы больше шансов победить.

Сестра согласно кивнула и со страдальческим выражением лица глянула на мать:

– Вот видишь, мама! Все так считают.

– Илона прекрати! У тебя жених уже есть, так что не мешай сестре искать свое счастье.

– Да какой это жених? Ерунда полная! А вот сын наместника...

– Достаточно, – мама взмахнула рукой, отменяя все возражения сестры, которой не оставалось ничего иного, кроме как отойти в сторону и оттуда бросать на меня убийственные взгляды.

Через полчаса мучения закончились. Все платья были перемерены, по фигуре подогнаны и начерно заматаны. Я с облегчением переделалась в свою одежду, родительница с мадам Адлер ушли в маленькую комнатку, чтобы испить напоследок чая и посекретничать, а мы с сестрой остались вдвоём.

Илона покрутилась передо мной, и подол ее василькового платья задорно взметнулся, в то время как я запуталась в подъюбнике и едва не повалилась на пол.

– Неудачница! – пропела она. – Знаешь, я даже рада, что тебе придется ехать в Ралесс. Тебя там мигом на место поставят. А я с удовольствием посмотрю на твое зареванное лицо, когда вернешься и не будешь знать, куда деваться от стыда.

Мерзавка! Глядя на ее злорадную физиономию, я твердо для себя решила победить во что бы то ни стало! Притащу в дом этого несчастного женишка, и пусть сестрица от зависти подавится.

К счастью, мой отъезд в Ралесс состоялся до свадьбы сестры, поэтому я была избавлена от необходимости хорошо себя вести и делать вид, будто я за нее рада. Я не была рада, совершенно. И дело не в свадьбе, а в том, что Илонка с каждым днем становилась все невыносимее. Ее душила зависть, обида, злость. Одно упоминание об отборе – и она начинала плевать рядом, отравляя все вокруг.

Мне было не до нее совершенно. Неделя выдалась просто сумасшедшая, ни остановиться, ни продохнуть, ни повернуть назад. Хотя уже хотелось. Эти сборы мне столько крови попортили, что я начала жалеть, что вообще ввязалась в эту авантюру. Нескончаемые примерки, подгоны, снова примерки. Я обзавелась пятью платьями, в которых нельзя нормально дышать, туфельками, которые натирали, стоило их только надеть. Шляпкой с цветами, живописно притороченными к тулье. Десятком кружевных панталон, колготками, чулками. Можно подумать,

кто-то мою подноготную собрался рассматривать. Еще куча мелочей, которыми я в обычной жизни не пользовалась и в дальнейшем не собиралась.

Все это едва поместилось в выдавший виды кожаный чемодан. Туда же, вопреки маминым причитаниям, я еще умудрилась втиснуть удобные ботинки, рубашку и брюки. Мало ли какое задание на отборе попадется? Без нормальной одежды никак.

В общем, неделя была полна мучений. В довершение ко всему портниха запретила меня кормить, иначе платья могли не выдержать напора моей красоты, и маменька с рвением ринулась исполнять это поручение. В результате кормили меня какой-то травой: овощами, зеленью. Все плюшки из дома убрали, и кто-то – я подозреваю, что это была любимая сестрица – рассказал матери о моих тайничках. В результате все вкусняшки, которые могли улучшить мне настроение, попросту исчезли. Не понимаю, зачем морить меня голодом? Я от этого не стану ни милее, ни элегантнее. Худая королева еще не лань. А учитывая тот факт, что приз – золото по весу победительницы, так еще пара килограммов лишними не будут.

И вот чемодан собран, экипаж у ворот и пора отправляться в Ралесс. В груди приятное волнение и предвкушение. Народ посмотрю, себя покажу, если повезет – жениха завидного урву. И заживу-у-у-у!

Провожать меня вышли только родители, а сестра опять разоралась, закатила скандал и убежала к себе в комнату, громко хлопнув дверью.

– Не обращай внимания, милая, – мама ласково обняла меня за плечи, – она избалованный ребенок, ты же знаешь.

– Знаю, – обняла ее в ответ, потом подошла к отцу.

В отличие от матери, он был не так благодушно настроен и почти открыто сожалел о том, что в Ралесс еду я.

– Пожалуйста, Ксана, постарайся сразу не сразить их своим... обаянием, – он смялся, – присмотрись хорошенько. Вперед не вылезай.

Как не вылезать? Я за победой еду, а разве можно победить, отсиживаясь в кустах? Вряд ли. Так что я, наоборот, собиралась включить свое обаяние на полную. Чтобы у жениха ни единого шанса увильнуть не было.

– Хорошо, – смиренно опустила глаза, чтобы он не заметил моего решительного настроя.

– Постарайся там задержаться. Вдруг встретишь хорошего парня.

Я за сыном наместника собралась ехать, и на меньшее просто не согласна!

– Хорошо, папочка.

Еще раз с ними попрощалась, поцеловала, обняла и бодрой походкой направилась к экипажу. Мой внушительный чемодан уже покоился на багажной полке, а кучер в последний раз проверял упряжь перед дальней дорогой.

– Удачи! – крикнула мама и замахала рукой, стирая слезы.

Я кивнула. Удача мне не помешает.

На втором этаже дома почудилось какое-то движение. Вскинув взгляд, я увидела Илону, стоявшую у окна и смотревшую на меня с такой ненавистью, будто я у нее украла самое ценное. Недолго думая, я послала ей воздушный поцелуй и с удовольствием заметила, как ее перетряхнуло. Сестра отошла от окна, нервно задернув шторы.

Ну и ладно, лучшими подругами мы никогда не были.

По лесенке забралась внутрь экипажа и тут же прильнула к окну, с замиранием сердца наблюдая за тем, как усадьба, а вместе с ней и родители, исчезают из виду.

Впереди меня ждало самое большое приключение в жизни, к которому надо было подготовиться, набраться сил и отдохнуть. Поэтому достала из сумочки заначку – бутерброды с вяленным мясом, – плотно перекусила, потом с трудом устроилась на неудобном сиденье и прикрыла глаза, намереваясь хорошенько поспать.

Глава 4

Медленно, но верно мы приближались к Ралессу. Чем меньше становилось расстояние, отделявшее меня от мечты, тем сильнее нарастал трепет. Я то и дело подскакивала на сиденье и тревожно вглядывалась вдаль, ожидая увидеть очертания большого города.

Два дня из тех трех, что я провела в пути, погода стояла пасмурная. Хмурый дождь непрерывно моросил, и хорошо укатанные дороги превратились в сплошное месиво. Экипаж катил вперед, аккуратно огибая опасные участки, и стоило приоткрыть окно, как внутрь врывался студеный ветер, совсем неуместный в середине лета. Из прихлопа ощутимо тянуло прохладой и сыростью. Мне оставалось только плотнее кутаться в дорожный плащ и тоскливо смотреть на унылое серое небо, мечтая о горячей ванне и мягкой постели.

В последний день пути дождь прекратился. Тяжелые облака растворились в ясной синеве, и солнце ласково гладило землю лучами. С узких проселочных дорог мы, наконец, вырвались на широкий тракт. Стрелой прорезая густые леса и возделанные поля, он убегал до самого горизонта. За окном изредка проплывали указатели: налево пойдешь – в деревню придешь, направо пойдешь – в болото попадешь, и все в том же духе. Общее у указателей было одно – если двигаться прямо, то рано или поздно окажешься в Ралессе, в одном из пяти главных городов Туарии, столице восточного округа.

За всю жизнь мне ни разу не довелось побывать за пределами Боунса, но я слышала достаточно восторженных рассказов родителей о том, как прекрасна восточная столица, какие там красивые дома, мощеные широкие улицы, магазины, рядом с которыми наши салоны кажутся нищими лавками, а в центре города большой парк с ухоженными дорожками и лавочками на ажурных ножках. Не верилось, что совсем скоро увижу все это своими собственными глазами.

К вечеру третьего дня, когда я уже начала изнывать от скуки и подумывала о том, а не согнать ли мне возничего с облучка и самой погнать лошадей, над темными шапками леса показались острые, словно иглы, шпиль Ралесса. Издалека они напоминали игрушечные башенки. Их позолоченные вершины сияли на солнце, и, казалось, будто насквозь были пронизаны солнечным светом.

Осталось совсем немного.

Сердце тут же заметалось в груди, ладони вспотели, а колени начали мелко подрагивать. Я разволновалась, причем до такой степени, что не могла больше усидеть на месте. Открыла маленькую шторку, отделявшую меня от кучера, и громко срывающимся голосом спросила:

– Можно побыстрее?

Похоже, до этого времени он пребывал в блаженной дреме, потому как вздрогнул, встрепенулся и закрутил головой по сторонам, пытаясь понять, что происходит.

– Сил больше нет в этой табакерке сидеть! – проворчала я, отодвигая шторку еще больше, – меня, между прочим, жених там ждет. Уже измучился, бедный, сидит, в окно смотрит и плачет. Все спрашивает, где же моя Ксаночка? Когда же она придет? А вот она я! Еле трясусь по ухабам да выбоинам! Мы же не торопимся, да?

Мое ворчание все-таки подействовало, и экипаж заметно прибавил ходу. Я то и дело смотрела в окно, чуть ли не прижимаясь к нему носом, и с трепетом наблюдала, как башни приближаются, становятся все выше, уже доставая почти до самых небес.

Волнение сменилось предвкушением и азартом. Мне не терпелось оказаться в гуще событий, все увидеть своими глазами, попробовать, потрогать, окунуться с головой.

Еще спустя час мы миновали защитные столпы, обозначающие границы Раллеса, и выехали в широкую долину, где, полукругом охватывая идеально круглое озеро, раскинулся сам город. На одном берегу теснились крестьянские дома, мелкие усадьбы, а на другом – роскошные особняки знати и дворец наместника с теми самыми высокими шпилями, которые я

уже битый час рассматривала в окно. Чуть поодаль на холме, утопая среди зелени, стоял мрачный замок. Интересно, что там?

При подъезде к озеру дорога раздваивалась. Левое полотно вело к той части, где высились башни, правое – туда, где пестрели невысокие домики. Экипаж на развилке повернул налево и теперь, размеренно покачиваясь, быстро катил по ровной дороге.

Чем ближе мы подъезжали к восточной столице, чем больше ее деталей я могла рассмотреть, тем прекрасней она казалась. Пока мы колесили по чистым улочкам, я не отрываясь смотрела на каменные дома с ажурными террасами, разноцветными крышами, витыми колоннами и маленькими симпатичными балкончиками. Мы проезжали мимо резных оград, местами увитых диким виноградом и цветущей лозой, миновали невесомый, словно сотканный из кружева, мост через тихую речушку и вскоре добрались до высокой арки, украшенной причудливыми барельефами. Перед ней нас остановил стражник и осведомился о цели визита:

– Везу невесту из Боунса, – хрипло отозвался возничий, а я прижалась спиной к сиденью и зажмурилась, набираясь храбрости.

Нас пропустили без задержек. Стражник пожелал удачного дня, и экипаж покатил дальше, слегка подпрыгивая на мощеной дороге, сделал большой полукруг и остановился.

Вот и приехали!

Сгорая от предвкушения, я сама выскочила наружу, не дожидаясь, пока передо мной распахнут дверцу и предложат руку, как это положено по этикету. В то время как возничий доставал мой чемодан, я с распахнутым от изумления ртом пялилась по сторонам, пытаюсь узреть все и сразу.

Экипаж остановился перед внушительной мраморной лестницей с широкими ступенями и фигурной балюстрадой. По обе стороны от нее раскинулись изысканные цветники, настоящим украшением которых были идеально подстриженные кусты роз – девственно-белых, неистово-красных, застенчиво-розовых.

Лестница вела к высоким распахнутым дверям, каждую из которых украшал герб Ралесса: степной орел, сжимающий в когтях ветвь векового дерева. Замок оказался настолько высоким, что пришлось задрать голову, чтобы взглядом добраться до верхних этажей, а башни взметнулись до самых небес. На чистейших окнах сверкали солнечные блики, отражалось лазурное небо и скользившие в нем темные силуэты птиц.

Тем временем мой чемодан оказался на брусчатке, возничий учтиво поклонился и, заскочив на козлы, дернул поводья. Я проводила взглядом пыльный после долгой дороги экипаж и вздохнула, впервые оказавшись так далеко от дома совершенно одна.

Хотя нет, не одна. Народу на площади было предостаточно.

К лестнице подъезжали все новые экипажи. Из них выбирались взволнованные девушки-конкуренстки, вокруг которых тут же начинала суетиться прислуга...

– Позвольте, – раздался немного картавый голос, и из рук попытались вырвать чемодан.

– Не позволю! – дернула его на себя.

Рядом со мной стоял щуплый парнишка в темно-синей ливрее с вышитым золотой нитью гербом города на груди. Сначала он растерялся, уставился на меня во все глаза, а потом упрямо повторил:

– Отдайте чемодан!

– Не отдам! – припечатала, грозно нахмурившись. Ростом я немного повыше него и смотрелась на его фоне весьма внушительно, поэтому паренек снова растерялся.

– Это моя работа. Я должен...

– Зато я не должна!

Будут тут еще всякие мое добро хватать! Вдруг пропадет что-то? Мне эти проклятые платья таких мучений стоили, что я к ним никого на пушечный выстрел не подпущу.

– Все отдают! – привел несокрушимый аргумент и махнул в сторону других девушек, чью поклажу уже уносили мужчины, наряженные в такие же ливреи, как и мой бедолага.

– А я не отдам, – произнесла решительно и глянула на него так, что он только крякнул и отступил.

Под пристальным взглядом недовольного лакея я демонстративно нажала на маленькую педальку, опуская колесики у чемодана, схватилась за потертую ручку и, гордо вздернув подбородок, направилась к лестнице.

– Вот и тащи сама, – пробурчал себе под нос, думая, что я не услышу.

Ха! Испугал! Дотащу, конечно! Подумаешь, десяток ступеней!

Легко поднявшись, я остановилась на верхней площадке, обернулась, глянула на него, дескать, учись как надо. Он нахмурился, ливрею оскорбленно одернул и устремился к другой девице, которая выбиралась из только что подъехавшей розовой кареты.

Едва я переступила порог, как у меня перехватило дыхание и сердце восторженно споткнулось. Холл меня сразил торжественностью. Светлые стены украшены скульптурами древних героев и изысканной позолоченной лепниной. В центральной нише три бронзовые статуи: могучий воин – защитник города, почтенный старец, олицетворяющий мудрость, и дева – символ плодородия. Две беломраморные лестницы полукругом поднимались на второй этаж. Высокие окна, нарядный блеск золоченых люстр наполняли помещение светом и воздухом, а косые солнечные лучи падали на пол, играя бликами на причудливо выложенной мозаике всех оттенков серого от почти белого до благородного графитового.

Я даже на миг растерялась, почувствовал себя неуютно в своем мятом дорожном плаще и со старым чемоданом в руках, но быстро справилась с волнением и приветливо обратилась к солидному мужчине в черном фраке:

– Добрый день!

– Здравствуйте, – он ответил с учтивым поклоном, – чем могу помочь прекрасной даме?

– Я на отбор приехала, – произнесла не без гордости, – и не знаю, куда идти.

– Вас ожидают в северной башне, – он покосился на мой чемодан, но ни слова не сказал.

– Спасибо, – я его искренне поблагодарила и побрела в ту сторону, где по моим ощущениям находился север.

Пока я блуждала по залам да переходам, другие претендентки куда-то делись, и у меня возникло нехорошее предчувствие, что я немного заблудилась.

На пути, как назло, не попадалось ни единого человека. Здесь вообще есть кто живой? Или они от меня прячутся?

Я, наверное, пол замка обошла, пока, наконец, не вывернула к узкой винтовой лестнице, рядом с которой на стене красовалась табличка с золотыми тисненными буквами: Северная башня. Сей факт меня крайне обрадовал, и, преисполненная оптимизма, я начала свой подъем.

Через три длинных пролета я остановилась, чтобы поудобнее перехватить чемодан. Еще через три пришлось снова останавливаться, чтобы перевести дух и стереть пот с взмокшего лба. Еще через пять я уже начала причитать, как старая бабка:

– Башня! Почему именно башня? Неужели нельзя было встретить нас внизу, на первом этаже?

М-да, чемоданчик-то надо было отдать. Чем выше я поднималась, тем тяжелее он становился.

Ступеням не было конца и края, и когда я, наконец, добралась до верхней площадки, то была похожа на взмыленную после долгого забега лошадь. Но стоило увидеть приветливо распахнутые двери, а за ними силуэты девиц, как мое настроение мигом взлетело до самых небес, и я бодро ринулась вперед, забыв об усталости.

Глава 5

– Здравствуйте! – поприветствовала всех собравшихся в комнате и смело переступила через порог.

При моем появлении все дружно, словно по команде, повернулись к дверям. Разномастные девушки-конкурентки – брюнетки, блондинки, рыженькие – уставились на меня подозрительно, безо всякой радости. Ближняя ко мне даже буркнула весьма неприветливо «еще одна приперлась». Я скользнула по ним взглядом, быстро пересчитывая. Всего девятнадцать дев, я – двадцатая. Хм, не лишку ли для одного мужика, будь он даже трижды красавцем и сыном наместника?

Чуть поодаль у стены стояла пожилая женщина в длинном изумрудно-зеленом платье. На ней было столько украшений, что от их блеска рябило в глазах. В седые высоко забранные волосы вплетены нити розового жемчуга, на худосочной груди покоился внушительный медальон, а пальцы увешаны таким количеством перстней, что сами пальцы почти невозможно рассмотреть. Женщина лишь мазнула по мне взглядом и отвернулась, что-то лопоча себе под нос.

У окна стоял еще один персонаж – седовласый Ленд Барсон, которого я уже имела честь лицезреть в нашем родовом поместье. Увидев меня, он как-то нервно оттянул воротничок идеально белой рубашки и кашлянул:

– А вот и вы, – прозвучало немного обреченно, с надрывом. Он размотал свиток и сделал жирную пометку, – Ксана Уортон из Боунса.

– Да, это я. Как дела?

– Пока все было хорошо, – осторожно ответил Ленд и с натянутой улыбкой добавил: – я уже думал, что вы передумали и не приедете.

– Да вы что! Такое событие ни за что в жизни пропускать нельзя!

Улыбнулась, прошла в центр круглой комнаты, волоча за собой поскрипывающий чемодан, и с интересом осмотрелась – куда жених спрятался?

Мебели в комнате почти не было – только старинное бюро из красного дерева, на котором женщина в изумрудном платье раскладывала какие-то штуки, и странного вида арка, увитая голубой лианой. Жениху прятаться решительно негде.

– Что-то я не заметила, чтобы он с распростертыми объятиями встречал нас.

– Думаю, вам бы хотелось сначала отдохнуть, прийти в себя после долгой дороги, принять ванну, поужинать, хорошенько выспаться, а потом уже предстать перед взором жениха и его родителей? – учтиво поинтересовался мужчина.

В его словах определенно было здоровое зерно.

– Вы правы. Отдохнуть не помешает, – смиренно улыбнулась, – да и поесть тоже хотелось бы.

– Я как раз начал объяснять претенденткам что их ожидает в ближайшие дни, – Ленд обвел рукой присутствующих девушек, каждая из которых волком смотрела на меня. – вы опоздали.

– Простите. Я просто немного заплутала, – пожала плечами, – замок у вас, надо сказать, огромный. Красивый, конечно, внушительный, но пока до нужного места доберешься – из сил выбьешься.

– Почему вы, собственно говоря, с чемоданом? – спросил он как-то грустно и, подняв брови, посмотрел на меня, – надо было отдать лакею.

– Угу. Сейчас. А потом ищи-свищи, куда он мое добро подевал. Нет уж. Я лучше сама.

– И почему я не удивлен? – сжимая переносицу, тихо пробормотал Барсон.

Мне показалась, или у него губы в усмешке дрогнули? Наверное, показалось.

– Что ж, раз теперь все собрались, думаю, стоит повторить то, что я уже сказал, – он взял себя в руки и продолжил бодрым голосом, – чтобы в дальнейшем не возникало ненужных вопросов.

Девушки, вынужденные слушать по второму кругу одно и то же, смотрели на меня недовольно, и на какой-то миг возникло ощущение, будто в зал загнали стадо Илонок. В воздухе так и витал дух высокомерия, каждая из соперниц мнила себя если уж не королевой, то принцессой точно. Ладно, посмотрим, как дальше дело пойдет. То, что я могу стерпеть от родной сестры – ни за что не спущу посторонним, так что пусть не надеются, что их взгляды произведут на меня впечатление. Наоборот, спину выпрямила и улыбнулась всем ласково:

– Что все такие кислые? Слушаем, девочки, слушаем. Запоминаем. Уму-разуму набираемся. В жизни пригодится.

– Ты... – кто-то прошипел сзади.

– Цыц! – шикнула я, прикладывая палец к губам, и к Ленду повернулась, едва сдерживая усмешку: – Продолжайте пожалуйста.

Чувствую, отбор будет веселым. Не простят мне эти дамочки прямой насмешки, ой не простят. Ну и плевать. Такая злючка-гадючка у меня дома своя имеется. И приехала я сюда не дружбу с ними водить, а за женихом.

Боевое настроение било через край, и я была готова приступить к испытаниям хоть сейчас. Хм, еще бы на жениха посмотреть, чтобы знать ради кого воевать будем, но тут придётся любопытство умерить. Похоже, женишок до завтрашнего дня не собирался попадаться нам на глаза, а жаль.

Мужчина обменялся взглядами с седовласой женщиной, тихо кашлянул, прочищая горло, и продолжил:

– Как вам уже известно, меня зовут Ленд Барсон, и я – распорядитель отбора. Это означает, что я отвечаю и за вас, и за организацию всего мероприятия. Если будут возникать какие-то вопросы относительно расселения, вашего удобства в Ралессе и испытаний – смело обращайтесь ко мне. Объясню, расскажу все, что разрешено правилами. Не более того! Помощи при прохождении заданий и подсказок не ждите! – строго добавил он, заметив, как девушки начали перешептываться. Под его суровым взглядом все притихли. – Официальная церемония открытия отбора состоится завтра в пять часов вечера в главном зале. Вас всех представят наместнику, его жене, ну и, конечно же, самому жениху.

Девушки снова заволновались – щечки залились румянцем, а в глазах зажегся жадный блеск. Я тоже почувствовала, как в груди что-то екнуло, а колени мелко задрожали.

– Постарайтесь сразу произвести благоприятное впечатление, – почему-то в этот момент посмотрел именно на меня. – До этого у вас будет время привести себя в порядок и отдохнуть. В присутствии наместника вам расскажут основные правила отбора...

– Мы думали, вы сейчас нам их озвучите, – раздался капризный голос слева.

Недалеко от меня стояла девушка с длинной пшенично-русой косой, в элегантном платье цвета нежной мяты, с вышитыми по подолу крупными розовыми цветами. Она нетерпеливо притопывала ножкой, затаенной в узкую туфельку, и, надув губы, смотрела на распорядителя.

– Конечно, нет, дорогая Натаэлла, – со сдержанной улыбкой ответил Барсон, – согласно традициям, правила отбора озвучиваются в присутствии жениха и Смотрящих. То есть тех, кто будет присутствовать на каждом испытании и наблюдать за тем, как вы справляетесь. В этот раз в Смотрящих сам наместник и его жена, а также наперсник жениха.

– Если бы вы нам хоть намекнули, что нас ждет, мы смогли бы подготовиться, – продолжала настырная девушка.

– Терпение, милая леди, – произнес таким тоном, что стало ясно – спорить бесполезно, – всему свое время.

Натаэлла еще больше надула губы, капризно сложила руки на груди:

– Зачем тогда нас сегодня собирали? Да еще и заставили после утомительного пути подниматься по такой высокой лестнице.

– Перед тем как вы разойдетесь по своим комнатам, – невозмутимо продолжал Ленд, – вам всем необходимо пройти важную процедуру. Вы находитесь в Северной башне, где концентрируются потоки силы, поэтому именно здесь расположен Эр’нинг, – с этими словами он указал на витую арку, – он поможет определить, в ком из вас есть магический дар.

– Я думаю, каждая из нас может сказать, владеет ли магией.

Угу. Я вот ничем не владела. Говорят, когда-то у нас в роду изредка проскакивали маги, даже вроде ведьмы рождались, но последние пять или шесть поколений ни намека на чародейство в нашей семье не было.

– Ваших слов недостаточно. Мы должны знать наверняка, каким магическим потенциалом обладает каждая из вас. Основной закон отбора – все должны быть в равных условиях. И если кто-то может применять магию, а кто-то нет – баланс нарушится. Поэтому сейчас вы все в присутствии верховной провидцы Эрины, – он почтительно склонил голову перед дамой в зеленом, – по очереди пройдете через Эр’нинг, и, в зависимости от результата, получите свой знак отличия. Красный кулон – тем, кто с магией, желтый – тем, кто без. Вы обязаны носить его на протяжении всего отбора вплоть до того момента, пока не выиграете, ну или наоборот – пока не вылетите с него. Снятие кулона считается злостным нарушением правил и карается изгнанием из отбора. Всем понятно?

В ответ прозвучал нестройных хор голосов.

– Тогда приступим!

Мы вереницей потянулись к арке, которая теперь, когда ее смысл стал понятен, выглядела внушительнее.

Первая девушка прошла под резным сводом, и большой овальный кристалл на вершине Эр’нинга засветился синим.

– Маг, – констатировала провидца и протянула медальон с красным камнем.

Когда прошла следующая девушка – худая, как палка, брюнетка, с огромными почти черными глазами, – кристалл запульсировал темно-бордовым.

– Ведьма, – еще один красный камень оказался у новой владелицы.

Над следующей претенденткой кристалл сделался тускло-серым.

– Пустая.

Под насмешливыми взглядами «пустая» получила украшение с желтым камнем.

Очередь быстро продвигалась вперед, и в конце выяснилось, что среди девиц – больше половины оказалось с магическим даром. Мне, как и следовало ожидать, досталась желтая безделушка.

– Надевайте, – скомандовал Барсон, и мы послушно застегнули цепочки вокруг шеи. Место стыка сразу исчезло. Теперь снять кулон можно, лишь порвав цепочку.

– С этого момента вы все в равных условиях. Пока кулон на вас, вы не сможете пользоваться своим даром.

Натаэлла, на шее которой мерцал красный камень, возмущенно фыркнула.

– Почему я должна отказываться от магии из-за того, что кому-то, – сморщив нос, она посмотрела на ближнюю к ней пустую девушку, – не дано?

Вылитая Илона!

– Таков закон. Если вы не согласны, можете прямо сейчас отказаться от участия и отправиться домой, – прохладно предложил Ленд, порядком устав от претензий этой особы.

Она вспыхнула, как свеча, но ни слова больше не сказала, только недовольно по сторонам смотрела и хмурилась.

– А теперь, можете пройти в свои комнаты. Внизу башни вас встретят и проводят, – потечески улыбаясь, произнес распорядитель. Потом посмотрел на меня и мой внушительный

чемодан и сказал: – Ксана, на вашем месте я бы отдал вашу поклажу. Поверьте, наши лакеи не падки на чужое добро и вряд ли втихаря носят женские платья.

Глава 6

Для претенденток на руку и сердце сына наместника выделили целый этаж в южном крыле. Другие девицы проворно расхватили комнаты поближе, а мне с моим чемоданом, который я так и не нашла кому отдать, досталась самая дальняя – угловая.

И это было здорово!

Думаю, если бы остальные увидели, что скрывалось за той дверью – передрались бы за возможность там поселиться. Комната с окнами на две стороны и террасой, выходящей на главный двор, была настолько просторная, что в ней могли поместиться все двадцать претенденток, да и самому жениху местечка в уголке хватило бы.

За раздвижными зеркальными дверями обнаружилась девственно-чистая гардеробная размером с мою комнату дома, в усадьбе. Все мои скромные пожитки попросту затерялись в ее недрах, сиротливо повиснув на бархатных вешалках.

У стены стояла огромная кровать – такая, что я запросто могла улечься хоть вдоль, хоть поперек, раскинув руки и ноги, словно морская звезда. На прикроватной тумбочке несколько книг и ночник в виде лилии. В другой стороне – круглый стол и два стула с высокими резными спинками. У окна – изящный туалетный столик с зеркалом в золоченой оправе. На нем ровными рядами стояли цветные баночки, флакончики, мягкие пуховки, шелковые кисточки.

Сестра была бы в восторге от такого количества мишуры, а я, если честно, не знала, что со всем этим богатством делать. Ради интереса взяла розовый флакончик с длинной трубочкой, на конце которой висела помпа, усеянная маленькими кристаллами. Покрутила его в руках и нажала на грушу. В воздух пикнуло ароматное облачко чего-то невыносимо приторно-цветочного, в носу тотчас зашипало, и заслезились глаза. Громко чихнув, поставила его обратно и, размахивая руками в тщетных попытках разогнать сладкую вонь, устремилась к террасе, на свежий воздух.

Передо мной открылся вид, от которого захватывало дух. Прямо внизу – широкая площадь, выглядевшая сверху впечатляющей. Камни, которыми она вымощена, образовывали сложный концентрический рисунок, а в центре него красовался полумесяц. На другом конце площади – арка, через которую мы проезжали, а дальше – город.

Вечернее солнце лениво отсвечивалось на разноцветных скалах, позолоченных башенках и наверхиях, отчего казалось, будто все вокруг окутано сказочной золотистой дымкой. Вдали на холме среди деревьев все так же мрачно возвышался старинный каменный замок.

Красиво. Я-то привыкла к полям да усадьбе своей двухэтажной, и от этого все здесь казалось необычным, волшебным и невероятно прекрасным. Вне себя от восторга я пыталась увидеть все и сразу и, не в силах сделать это, пообещала себе, что завтра непременно отправлюсь на прогулку по городу.

От созерцания Ралесса меня отвлек деликатный стук в дверь. Чтобы не заставлять ждать незваного гостя, я со всех ног бросилась к входу, запуталась в длинных воздушных шторах и едва не повалилась на пол.

– Да чтоб тебя! – прошипела в сердцах, подскакивая к дубовой двери.

Правда, перед тем как ее распахнуть, остановилась, волосы пригладила, пытаясь придать себе достойный вид, и только после этого потянула за ручку.

В коридоре ожидала служанка в темно-синей форме с белоснежным передничком. Она толкала перед собой столик на колесиках, заставленный сверкающими клошами, на покатых боках которых красовался герб города.

– Ужин, – улыбнулась девушка.

При звуке этого волшебного слова я растеклась в блаженной улыбке и поспешно отступила, пропуская ее в комнату.

Спустя полчаса, пребывая в самом благостном состоянии духа, я озадачилась тем, как бы мне принять ванну. У нас дома на каждом этаже по две ванной комнаты, а как дело обстояло в замке наместника, я не знала. Может, у нас тут будет какой-то общий душ? Или баня, где все двадцать претенденток будут толкаться голыми задками и сражаться не только за внимание жениха, но и за свободный таз?

Мысль показалась нелепой. Это же замок! Какой общий душ?! Какие тазики?! В каждой комнате должна быть своя ванна. Придя к такому обнадеживающему выводу, я принялась за поиски. Заглянула в каждый угол комнаты, за каждую занавеску, и в результате нашла то, что искала – не приметную дверь, слившуюся со стеной, а за ней мечту каждого усталого путника – ванну такого размера, что пять человек одновременно влезет, кучу баночек с шампунями и мягкие белоснежные полотенца, сложенные ровной стопочкой на этажерке.

Представляю, как перекосит Илонку, когда я ей обо всем этом в красках расскажу! Так и представляла, как исказится гневом ее бледное кукольное личико, как она будет топтать и визжать.

В этот момент я точно убедилась, что жизнь прекрасна.

Первая ночь в замке прошла на удивление спокойно. Сытая и распаренная, я юркнула в постель, намереваясь немного почитать, но, сморенная переживаниями и долгой утомительной дорогой, заснула, едва голова коснулась подушки. И спала так крепко, что утром проснулась, лишь когда в дверь громко постучали. От неожиданности подскочила на кровати, не понимая, где я и что вокруг творится. Стук повторился. В этот раз громче и настойчивее.

Немного ошалев, я скатилась с кровати, торопливо накинула шелковый халат и, путаясь в завязках, босиком пошлепала к двери.

– Доброе утро! – проскрипела стоящая за ней старушка.

Маленькая, сушеная, в идеально отглаженной форме, с волосами, затянутыми в тугий пучок. На вид ей было лет семьдесят, но в глазах суровый блеск, достойный генерала армии.

– Здравствуйте, – я уставилась на нее, отчаянно пытаюсь не зевнуть во весь рот. – Вам кого?

– Я ваша новая камеристка. Ромерта.

– Э... – промычала я, не зная, что на это ответить. Служанок у меня отродясь не было, и что с ними делать, я не представляла.

Пока приходила в себя, старушка бесцеремонно просочилась внутрь, осмотрелась и решительно направилась к кровати. Я только хлопала глазами, наблюдая за тем, как она живо заправляла постель.

– Вообще-то я собиралась еще поваляться, – пробурчала недовольно, складывая руки на груди.

– Вообще-то валяться, когда солнце уже высоко, вредно, – коротко ответила она, растягивая расшитое цветами покрывало.

Бабулька не промах.

– Всем девушкам положены камеристки?

– Да, – опять скупой ответ.

Ромерта уже поправляла подушки, лежащие на стульях. Не знаю, может, другие и обрадовались таким помощницам, но лично я пребывала в растерянности.

– Госпожа хочет другую служанку? – старушка развернулась ко мне и посмотрела с вызовом, однако в светлых глазах я заметила страх и разочарование. – Вы можете обратиться к управительнице, она подберет кого-то другого.

– Нет, что вы. Я рада, что прислали именно вас, – почему-то мне не хотелось обижать суровую старушку. Она показалась мне забавной.

– Другие девицы отказались от моей помощи, – в старческом голосе задребезжала обида.

– Уверена, мы с вами подружимся, – ободряюще ей улыбнулась, – но вынуждена сообщить, что я привыкла все делать сама.

– Молодая леди не боится работы? – не скрывая иронии, поинтересовалась она.

– К счастью, не боюсь.

– Достоинство уважения, – она слегка склонила седую голову, обозначая поклон, и принялась дальше наводить порядок, – но уверяю, в замке моя помощь точно понадобится. Очень трудно самой нарядиться в бальное платье.

Точно. Про платье-то я и забыла! Я со всеми этими шнурками и кнопками сама ни за что не справлюсь!

День пролетел в суете и бестолковых хлопотах. От планов прогуляться по Ралессу пришлось отказаться, потому что все мое время съела подготовка к церемонии. Ромерта оказалась настоящим тираном в юбке и, похоже, задалась целью сжить бедную Ксанку со свету.

Она затолкала меня в ванну и мочалила меня до тех пор, пока я не начала скрипеть, словно начищенные новые сапоги. Волосы сначала натерла чем-то пахучим, потом чем-то липким, потом чем-то откровенно гадким. Я думала, что после таких процедур облысею и покроюсь здоровенными чирьями, но, к моему удивлению, высохнув, шевелюра превратилась в шелковый струящийся поток, а кожа будто светилась изнутри.

– Вот это да-а-а!.. – протянула восхищенно, пропуская между пальцев длинную прядь.

Служанка самодовольно улыбнулась, наблюдая за моей изумленной физиономией.

– Вы волшебница, да?

Щеки у нее зарделись, а старческие губы сами растянулись в смущенной улыбке:

– Это просто опыт, дорогая Ксанка.

После того, во что она превратила мои обычно кудрявые и непослушные волосы, я решила довериться ей и во всем остальном. Преодолев начальную скованность, мы весело болтали, при этом Ромерта не забывала готовить меня к церемонии.

Больше всего страшил момент, когда придется наряжаться в платье. Стоило вспомнить процесс примерки, как жесткие косточки впиваются в бока, сразу накатывало уныние. Однако и тут новой камеристке удалось меня удивить:

– Как шнуровать? – поинтересовалась деловым тоном, когда я вышла из примерочной в светло-бирюзовом пышном платье, с розовыми кружевами и развернулась к ней спиной. – Так чтобы тонко и гладко, или чтобы дышать можно было?

– Я бы лучше подышала.

Она мигом справилась со шнуровкой, наряд сел весьма комфортно, и я действительно могла дышать полной грудью. Потом она уложила блестящие волосы в замысловатую прическу, затем слегка сбрызнула меня духами и подвела к зеркалу.

Оттуда на меня смотрела вроде я, а вроде и не я. Гладкая, аккуратная, с нежным румянцем на щеках и в красивом платье, совсем не похожая на Ксанку-сорванца, помогавшего конюху с норовистым жеребчиком.

– М-да-а... – протянула я, поворачиваясь то одним боком, то другим.

– Нравится?

– Вы точно волшебница.

Ромерта умиленно сложила руки на груди:

– А ты, милочка, настоящая красавица.

Угу. Слышала бы тебя Илонка – от злости бы лопнула, забрызгав все вокруг своим ядом.

– Пора! Лучше прийти пораньше, чем опоздать, – торжественно произнесла служанка, взглянув на круглые настенные часы с большими тисненными цифрами, – я провожу.

– Да, было бы неплохо, – усмехнулась я, вспомнив свое блуждание по замку.

Еще раз глянула на себя в зеркало, подмигнула отражению и решительно направилась к выходу.

Готовься, жених! Я иду!

До центрального зала мы добрались на двадцать минут раньше назначенного срока. К моему удивлению, остальные претендентки уже были здесь и взволнованно прохаживались из стороны в сторону. Нервничали все. Кто-то похлопывал себя по щекам, кто-то заламывал руки, кто-то нервно обмахивался веером. Натаэлла в окружении четырех девиц что-то рассказывала с таким видом, будто она королева, а все вокруг нее – просто чурбаны неотесанные. Но как бы она ни хорохорилась, голос и у нее дрожал и срывался.

Меня тоже накрыло волнение. А когда я волнуюсь – я ем. Поэтому единственное, что меня интересовало в этом зале, это не красота убранства, и не соперницы, и даже не пустующие кресла, предназначенные для наместника и его семьи. Нет, меня интересовали исключительно круглые столики, расставленные вдоль окна, на которых были сложены пирамиды воздушных пирожных. Думаю, никто и не заметит, если я возьму парочку.

Бочком, бочком, стараясь не привлекать к себе внимания, подошла поближе к одному из них и, улучив момент, когда никто в мою сторону не смотрел, выхватила пироженку и целиком запихала ее в рот.

Вкусно! Нежный сливочный крем таял на языке, заставляя блаженно жмуриться. Едва проглотила одну, сразу потянулась за другой. А что? Дома такой вкусноты не бывает, так что надо пользоваться, пока есть возможность. К тому же я никогда не могла устоять против вкусненьких, румяненьких, призывно смотрящих на меня плюшек, ватрушек, кексов и пирожных. Они словно манили меня, я будто слышала их призрачные голоса «съешь меня, Ксанка, съешь. И меня съешь. И меня. Всех нас съешь!». Ну как тут удержаться?

В общем, когда церемониймейстер объявил приход наместника и его семьи, я слопала десятка два пирожных и сыто жмурилась. К сожалению, напитков на столах не нашлось, поэтому у меня слиплось все, что только могло слипнуться, и вдобавок я начала икать.

Золоченые двери торжественно распахнулись, и все девушки замерли, устремив взоры на тех, кто заходил в зал.

Первым шел наместник. Высокий, статный мужчина, с широким разворотом плеч, военной выправкой и цепким взглядом пронзительно-синих глаз. Парадный мундир сверкал начищенными пуговицами, на серебряных эполетах красовался степной орел с веткой вековечного дерева, аксельбант на правом плече покачивался в такт размеренному шагу.

Набрав полные легкие воздуха, чтобы хоть как-то справиться с икотой, я восхищенно смотрела на наместника, чувствуя практически благоговение.

Под руку с ним шла миниатюрная женщина в голубом атласном платье простого кроя. Серебряный пояс обхватывал тонкую талию, аккуратный вырез декольте был украшен легким скромным кружевом. Но, несмотря на простоту наряда, она выглядела словно королева – гордая осанка, легкая походка, уверенность во взгляде. Сильная женщина, несмотря на видимую слабость.

Дальше шел молодой мужчина. Такой, что от одного взгляда на него трести начинало. Брюнет с голубыми, как лед, глазами. Он был серьезен, спокоен, но вместе с тем быстрым и, как мне почудилось, немного насмешливым взглядом скользил по собравшимся в зале претенденткам. Через одно плечо шла красная перевязь с черным вышитым полумесяцем. Значит, это наперсник, да к тому же имеющий прямое отношение к императорской семье.

У меня колени задрожали. Я тихонько выдохнула и тут же икнула. К счастью, получилось негромко, да и стояла я вдалеке, так что никто не обратил на меня внимания.

За ними следовал ОН! Жених! При виде которого соперницы встрепенулись и зарумянились. До девиц мне дело не было, все внимание было приковано к нему.

Блондин шел вперед с непроницаемым лицом и смотрел строго перед собой. Он казался мне отстранённым, даже холодным. Вокруг него будто стена отчуждения высилась.

Претендентки, ожидавшие, что жених тотчас начнет улыбаться и прыгать между ними, словно дрессированная мартышка, рассыпаясь в комплиментах, целуя ручки и восхищенно заглядывая каждой в глаза, смущенно переглядывались.

Я снова икнула. В этот раз чуть громче, и едва успела зажать себе рот рукой. Снова повезло, и никто меня не услышал.

М-да, последние пять пирожных были явно лишними. Что угодно отдала бы за стакан воды! Вдохнула пару раз и снова задержала дыхание, набрав полную грудь воздуха.

Замыкал шествие уже знакомый распорядитель отбора, с довольной улыбкой посматривая по сторонам и кивая девушкам, мимо которых проходил, а увидев меня – покрасневшую от натуги и с надутыми щеками, он вопросительно вскинул брови. Я в ответ только палец большой показала, дескать, все у меня хорошо. Мне бы только не лопнуть, а так все здорово.

Барсон ухмыльнулся и отвел глаза в сторону. Этим я воспользовалась, чтобы быстро выдохнуть и снова набрать воздуха, потому что икота и не думала проходить.

Наместник и его высокородные спутники поднялись по ступеням, застланным красными коврами, и развернулись лицом к нам. В зале стало так тихо, что было слышно одинокую муху, пытавшуюся пробить стекло и вырваться на волю.

Распорядитель обвел нас довольным взглядом и торжественно произнес:

– Лорд Леон Эревел, наместник Ралесса...

Наместник учтиво кивнул.

– Леди Матильда Эревел...

Супруга правителя изящно склонила голову в знак приветствия.

– Джертон Норхолл, младший сын императора Туарии и по совместительству наперсник жениха...

Он сдержано улыбнулся.

– Нольд Эревел, сын наместника и жених, в честь которого вы приглашены на отбор.

От жениха нам достался небрежный, едва заметный кивок.

После официального представления наместник ступил на полшага вперед:

– Прекрасные леди, мы рады приветствовать вас всех в Ралессе, на отборе невест для нашего сына...

При этих словах блондин кисло улыбнулся. Равнодушный взгляд скользил от одной претендентки к другой, ни на ком не задерживаясь дольше, чем на секунду, а потом снова уперся поверх голов в стену за нашими спинами.

Наместник продолжал вещать, мои соперницы слушали его, затаив дыхание. Я тоже дышала через раз, боясь нарушить торжественность момента своим иканием, а заодно приглядывалась к неприветливому жениху.

Здоровенный детина вымахал. Косая сажень в плечах, шея бычьья, выправка как у отца – словно палку проглотил. А самое главное – высокий! Мне, привыкшей к тому, что некоторые мужички заканчивались где-то на уровне моего подбородка, рослый сынок наместника очень импонировал. Пожалуй, он будет выше меня, даже если надену туфли на высоком каблуке, и мне даже придется смотреть на него немного снизу вверх. Это здорово, надоело рассматривать чужие макушки! Еще понравилось то, что он не изнеженный, хрупкий юноша с томными манерами. Видно, что сильный, уверенный в себе.

Я уже мысленно прикидывала, какое применение можно найти ему в хозяйстве, да так замечталась, что забылась и икнула. Громко. Услышали все. Проклятье! Я поджала губы и невозмутимо смотрела перед собой, изо всех сил стараясь сделать вид, что это вообще не я, при этом чувствовала, как щеки становятся пунцовыми.

Стыдоба.

Зато удостоилась более пристального взгляда жениха. Брови темные вскинул и глянул на меня так, что поджилки затряслись от волнения.

Хоро-о-ош!

Мне вдруг захотелось подойти поближе и рассмотреть какого цвета у него глаза. На таком расстоянии понять это невозможно, поэтому пытаюсь не привлекать к себе внимания, стала пробираться вперед, поближе к суровому блондину.

– Куда ты прешь? – не шевеля губами, дабы не нарушить тщательно отрепетированную улыбку, прошипела одна из девушек, которую я немного подвинула в сторону, чтобы под ногами не путалась.

– Туда, – просто ответила, на миг забыв о своей проблеме. И – о ужас! – икнула. Так громко, что наместник запнулся и продолжил свою речь только после секундной заминки.

Я сконфуженно сморщилась, втянув шею в плечи и пытаюсь стать невидимой.

Претендентки начали на меня недовольно коситься, а жених посмотрел еще раз. Цвет глаз я так и не смогла разглядеть.

После наместника с коротким приветствием выступила его жена. У нее оказался неожиданно сильный, властный голос для такого миниатюрного образа. Мне она тоже понравилась. Интересно, когда мы с ее сыном поженимся, я смогу звать ее «маменька»?

И снова я замечталась, за что тут же расплатилась очередным громким иком.

Теперь уже на меня смотрели все – семья наместника, императорский отпрыск, распорядитель, девицы.

Я смущенно улыбнулась... и снова икнула.

– Простите, – смущенно пропищала и зажала рот руками.

Снова икнула. В этот раз в свою ладонь. Тихо, но содрогнувшись всем телом.

Блондин, поджав губы, смотрел на меня так, словно я отдавила ему любимую мозоль. Потом перевел выразительный взгляд на своего отца. Не знаю, что именно он хотел сказать им, но наместник никак не отреагировал, словно и не заметил ничего.

Опять икнула.

Да что за напасть?!

Барсон тем временем невозмутимо спустился по ступеням, налил стакан воды – оказывается, графин стоял на столике за тяжелой шторой – и подошел ко мне:

– Пожалуйста, выпейте, – произнес, протягивая воду.

Я благодарно улыбнулась. Вцепилась в стакан и принялась пить большими глотками. До дна. Без остановки. В зале было абсолютно тихо, все наблюдали за тем, как я пью. Пусть смотрят, мне не жалко, главное от икоты избавиться. В конце выдохнула и, прислушавшись к своим ощущениям, блаженно улыбнулась:

– Спасибо, помогло.

– Вот и славно, – кивнул распорядитель, забирая стакан, и мне показалось, что он с трудом сдерживал улыбку.

Все наблюдали за тем, как он без суеты поставил посуду на столик и вернулся на свое место подле наместника.

Третьим нас приветствовал наперсник жениха:

– Быть наперсником на отборе – это большая честь для меня. Я надеюсь, что мой близкий друг найдет среди вас свою судьбу, а я, в свою очередь, буду всячески ему в этом помогать.

Блондин в это время смотрел на приятеля волком и явно мечтал запустить в него чем-нибудь тяжелым.

В самом конце слово предоставили жениху. Он сконфуженно глянул на невозмутимых родителей, на сияющего наперсника, а потом перевел взгляд на нас, и поскольку я стояла в

самом центре, первым делом он наткнулся именно на меня. Тут же недовольно нахмурился и отвернулся.

Не мог простить мне икоты в столь торжественный миг? А что я сделаю? Пирожные были о-о-очень вкусные! Как тут удержаться? Правильно – никак. К тому же я уже извинилась.

– Здравствуйте! – произнес он. Девушки взволнованно запыхали, даже у меня пробежала волна мурашек от пяток и до самой макушки. Мы замерли, предвкушая продолжение, но его не последовало.

– И что? – сдержанно поинтересовалась его матушка спустя минуту, когда тишина уже становилась неприличной.

– И все! – хмуро ответил молодой человек.

Хм, не болтун. Здорово! Терпеть не могу без усталости треплющихся мужчин. Обычно там, где много слов, всегда мало дела.

Когда с приветствием было закончено, вперед выступил распорядитель, развернул свиток с гербовой печатью и начал читать. Все тут же превратилось в слух, потому что нам наконец-таки решили сообщить правила всего этого праздника жизни.

– Отбор продлится две недели.

Жалко, я думала задержаться здесь минимум на месяц. Погулять по городу, узнать, наконец, что это за замок там – на холме, людей посмотреть, себя показать.

– Вас ждет пять испытаний.

Здесь я не удивилась. Пять испытаний – вполне ожидаемо. Надо же хорошенько претендентов рассмотреть, увидеть кто во что горазд, кто на что способен. Да и число красивое.

– Задание на каждое испытание вы будете узнавать непосредственно перед ним, чтобы не было соблазна сжульничать, – Барсон строгим взглядом обвел претендентов, – так же напоминаем, что любая попытка снять медальон, надетый главной провидицей, будет караться отлучением от отбора.

Тоже правильно. У меня вот магии нет, я не собираюсь ничего снимать, и другие пусть не снимают.

– За ходом испытаний будут наблюдать Смотрящие: наместник, его жена, наперсник жениха. Они будут следить за соблюдением правил. Результаты отбора будет фиксировать зачарованный аххис... – При этих словах над головами появились двадцать прозрачных фигурок, в самой крупной из которых я не без удивления узнала себя. Над головой каждой фигурки мерцали песочные часы, в верхней части которых пылали огненные рубины. – Бесстрастный судья, которого нельзя ни обмануть, ни подкупить, ни заставить. После каждого испытания из отбора будут выбывать те претендентки, которые не справились с заданием. Если справятся все, то выбывает та, у которой меньше всех баллов. У Смотрящих есть право один раз за весь отбор дать иммунитет той претендентке, которая, по их мнению, достойна продолжать испытания, тем самым защитив ее от вылета. Конечно, на отборе будет присутствовать сам жених. Так же будут приглашены все желающие.

О как! Бесплатное развлечение для знати с нами в главные роли? Я девушка не стеснительная, меня это не напрягало, а вот жених, похоже, от такого расклада в восторг не пришел. Нахмурился, головой раздраженно мотнул, будто сдерживая протест.

– Победительница получит возможность стать женой Нольда Эревела и золота по весу равному ее собственному.

Здесь я самодовольно улыбнулась. Уж чего-чего, а веса во мне явно побольше, чем в остальных соперницах. Половина из них мелкие, как муравьи – там все золотишко запросто в карман поместится. Одна длинная, как каланча, но при этом такая тонкая, худая, что аж просвечивает. Остальные средние и по росту, и по комплекции – этим придется золото в мешок складывать. А мне так вообще тачанка потребуется.

Возможно, даже стоит подналечь на пирожные...

Предаваясь мечтам о том, как домой золотишко повезу и как Илона будет зеленеть от злости, я мечтательно смотрела на жениха. Он стоял, заложив руки за спину, и нетерпеливо пружинил на носках, словно наше присутствие его нервировало, и ему не терпелось уйти отсюда. Скромный, что ли? Так с виду и не скажешь.

– Вы все разные, – продолжал Барсон, – но каждая из вас принадлежит древнему роду и заслужила участие в отборе по праву крови. Ваши семейства были выбраны среди всех прочих нашими провидцами, узревшими именно в вас самый большой потенциал.

Мысль о собственной исключительности всегда приятна, особенно когда к этому прилагается такой видный жених и золото. Поэтому девушки счастливо зарумянились, ревниво поглядывая друг на друга.

Лично я встретила сообщение о своем потенциале с изрядной долей сомнения. Нет во мне ничего, обычная. Что там провидцы во мне могли рассмотреть – понятия не имею. Разве что подсмотрели, как я с вилами наперевес в стоптанных сапогах по конюшне ползаю, и так прониклись, что решили позвать к себе. Хотя, если начистоту, никто меня особо и не звал. Барсон был уверен, что моя сестра поедет, а я взяла и все карты спутала, сама влезла.

– Несмотря на то, что некоторым из вас доступна магия, мы предоставляем каждой равные шансы на победу. Как вам известно, мистер Эревел – огненный маг. Верхний, закончил Академию Ралесса и два года отслужил у южного барьера.

Это достойно уважения. Я слышала про барьер, про ужасы, что творились там, когда твари из Запределья пытались прорваться в наш мир. Редко, но даже в газетах Боунса проскакивали заметки о том, какова жизнь на защитном рубеже. Горожан мало интересовало, что происходило так далеко от наших краев, и какие-то странные прорывы казались сказками, которыми лишь детей пугать можно. А Нольд там был. Лично. Все видел, своими собственными глазами. Что-то мне подсказывало, что его наперсник бок о бок с ним прошел службу. Что неудивительно. Маги Верхнего уровня должны защищать страну от врагов, в частности от тех, кто прорывается к нам извне.

Я так и представляла его на рубеже, в боевом облачении, выжигающим тварей, высовывавших отвратительные щупальца из оплавленной дыры в земле. Жарко, как в аду, огненные всполохи отражаются в его глазах. Мне почему-то почудилось, что они должны быть желтые, как у кошки. Волосы яркие, как огонь, трепещут на ветру...

Хм. А почему он, собственного говоря, блондин? Что-то не очень вяжется с огнем.

Этот вопрос меня сильно озадачил. Настолько, что я даже решила поинтересоваться у стоящей рядом девушки:

– А почему он не рыжий? – прошептала вполголоса.

Вроде тихо, но именно в этот момент распорядитель замолчал, чтобы набрать воздуха для продолжения. Поэтому мой заданный шепотом вопрос разошелся по всему залу, и его услышали все.

Да что за напасть?!

Стоящие рядом девушки попятились от меня в разные стороны, так что я оказалась в центре пустого круга, и спрятаться не за кого.

– У вас возникли какие-то вопросы? – поинтересовался распорядитель с участливой улыбкой.

– Нет, – промямлила смущенно.

– А мне показалось, что возникли. Спрашивайте, не стесняйтесь, – подбодрил он меня, а все остальные уставились, ожидая продолжения. – С удовольствием все поясним.

Вот же попала! Это напомнило мне момент, когда в школе сидишь, болтаешь с подружкой на задней парте, а строгий учитель спрашивает: расскажите нам всем, мы тоже посмеемся.

Ладно. Вслух, так вслух. Тем более мне действительно интересно.

– Я спрашивала, почему он не рыжий, – смущенно кивнула на жениха, чувствуя, как он смотрит на меня.

– Рыжий? – распорядитель снова улыбнулся.

– Да.

– Почему лорд Эревел должен быть рыжим? – он улыбнулся еще шире.

– Я думала, все огненные маги – рыжие. Ну... огонь. Огненная стихия, всполохи. Пш-ш-ш-ш, – я руками живописно развела, пытаюсь изобразить пламя, – рыжие локоны, мне кажется, ему бы больше подошли.

Голос оборвался на середине фразы.

Жених смотрел на меня, не отрываясь. В упор. Мне показалось, что у него за плечами воздух заискрился, крохотные язычки пламени свивались спиралями, потянуло жаром.

В зале повисла тишина.

Претендентки, переглядываясь между собой, отступили еще дальше. Распорядитель все так же смотрел на меня и улыбался, теперь уже от уха до уха. Наперсник, поджав губы, с чрезвычайным интересом изучал потолок. Отец жениха отвернулся к своему креслу с высокой резной спиной и что-то там ковырял.

– Как вас зовут, милая? – ласково спросила жена наместника.

– Ксана Уортон из Боунса, – я присела в неуклюжем реверансе, пытаюсь вспомнить, как это правильно делается.

– Ксана из Боунса? – она глянула на распорядителя, и тот едва заметно кивнул. Матильда широко, вроде даже искренне улыбнулась. – Вы не представляете, дорогая, как мы рады видеть вас на отборе. Надеюсь, у вас все получится.

– Спасибо, – поблагодарила немного сконфуженно.

Нольд в это время выразительно фыркнул и отвернулся. Огненные смерчи за его спиной еще кружились, рассыпая по сторонам яркие искры. Разозлился, что ли? А что я такого сказала? Кстати, мне так никто и не ответил, почему он не рыжий. Ладно, потом с этим разберемся.

– Ваше первое испытание состоится завтра. В десять утра, – распорядитель снова взял бразды правления в свои руки, – мы ждем вас в Красном зале в южном крыле. Желаем каждой из вас везения и победы в отборе. Хорошенько отдохните сегодня, выпитесь.

Я вполуха слушала, что говорил Барсон, но мысли были заняты Нольдом.

Все же прошло неплохо, да? Я ему понравилась? Наверняка понравилась! У него так глаза полыхали, когда на меня смотрел! Это точно любовь! С первого взгляда! Я вот уже почти влюбилась, еще немного – и упаду к его ногам перезрелой грушей! Главное, чтобы не уронил.

Глава 7

– Сегодня напьюсь, – произнес категорично и махнул официантке, прося повторить заказ. Через две минуты передо мной стояла полная кружка медовухи и широкое блюдо, на котором веером были разложены ломтики вяленого мяса.

– От радости? – продолжал глумиться ледяной.

Он сегодня весь день потешался над моей бедой. Скотина. Поджечь бы его для профилактики, да без толку. Щитом выюжным закроется, и все. Знаю, пробовал.

Джер начал веселиться еще на подходе к главному залу, где я должен был предстать перед потенциальными невестами. Ужасное ощущение: стоишь, будто на витрине, а на тебя все смотрят, взглядами жадно лапают. В какой-то момент даже понял, каково приходится бедным девушкам, когда к ним то один, то второй подкатывает. Проникся. Опечалился. Потом разозлился.

В общем, все силы уходили на то, чтобы не подпалить всех красавиц, претендующих на мое внимание, и вести себя достойно, как и подобает сыну наместника. Было сложно. Так сложно, что в какой-то момент я подумал, что не сдержусь. Ледяной маг в этот момент пытался не смеяться. И, сдается мне, родители с распорядителем недалеко ушли. Им всем было весело. Сговорились! Решили проучить!

М-да, зря я с Элькой расстался, по крайней мере, избежал бы вот этого всего.

– Точно напьюсь, – проворчал и залпом в несколько больших шумных глотков осушил кружку.

– Не усердствуй. Завтра первое испытание. Ты должен быть в боевой готовности. Бодр, свеж и полон энтузиазма.

– Собрался нянчиться со мной? – глянул на него сурово.

– Моя задача, как наперсника, притащить тебя на отбор в целости и сохранности.

– Зануда.

– Ты сам выбрал меня на эту роль. Так что не причитай.

– Я и не причитаю. Просто теперь от тебя никакого прока нет. Правилами этими дурацкими связан.

Джер лишь руками развел:

– Значит, вам придется отдуваться, – повернулся к парням.

Энтони и Майлз – друзья детства и редкостные придурки. Вроде уже взрослые, а дури все не убывает, что в одном, что в другом.

– Без проблем, – Майлз стащил с блюда кусок мяса и принялся его активно жевать, – что от нас надо?

– Пока не знаю. Будет видно по ситуации. Три испытания готовил распорядитель. Уверен, там будет все скучно, нудно и по правилам. Туда лучше не соваться. А вот два других я сам лично выбирал. Вот там, если что, и подстрахуете. Надо этих невест из строя вывести.

– И как это сделать?

– Как хотите. Можете их похитить, связать, запереть в чулане. Что угодно, лишь бы у них не получилось пересечь финишную черту.

– Жульничаешь, – невозмутимо подал голос Джер, посмотрев на меня поверх кружки с пенным напитком.

– Не жульничаю, а пытаюсь сохранить свою свободу!

– Так говоришь, будто это смертный приговор.

– А у меня такое чувство, что ты проникся идеями моей маменьки и жаждешь меня женить на одной из этих.

– Там есть очень даже ничего, – руками изобразил округлости женской фигуры.

– Они были бы ничего, если бы я сам их выбирал. А вот так, в принудительном порядке, ничего хорошего в них не вижу. Потому что...

– Стой! – внезапно выкрикнул Джер, прерывая меня на половине фразы. – Замри!

От неожиданности я замер, выпучив на него глаза. Ледяной маг нагнулся, пристально всматриваясь в мою макушку.

– Что там? – шепотом, сквозь сжатые зубы.

– Ничего... Рыжие локоны показались, – беспечно ответил он, усаживаясь обратно, и все дружно заржали.

– Ха-ха-ха! Очень смешно!

Парни гоготали во весь голос так громко, что другие посетители начали на нас оборачиваться.

– Заканчивайте! – рявкнул сердито, но плевать они хотели на мое недовольство.

Мне вот было совсем не смешно. Как вспомню эту каланчу, так тряссти начинается. Где там провидцы узрели благородное семейство?! Дочь кузнеца, не иначе! Прямо из кузницы и приехала, или с сенокоса сбежала. Высоченная, здоровенная, громкая, наглая. Ни тебе элегантности, ни девичьей скромности, ни очаровательного кокетства. Я ее как увидел – чуть не споткнулся, глазам своим не поверил.

Ксанка, мать ее, из Боунса.

Бой-баба.

Похоже, я знаю, кто мне будет сниться сегодня в кошмарах.

– По-моему, она интересная.

– Ничего интересного. Вообще. Ноль!

– А вдруг она выиграет? – не сдавался ледяной.

Я только отмахнулся:

– Она провалится если не на первом, то на втором задании точно. Деревня бестолковая, – в этом я совершенно не сомневался. Вылетит мигом, как пробка из бутылки.

– Зато веселая.

– Да? Что-то я не заметил.

– Вы бы здорово смотрелись вместе, – Джер улыбался, прекрасно понимая, что бесит меня.

Вокруг моей руки по столу побежали искры, оставляя темные прожжённые дорожки на деревянной поверхности.

– Значит, сам себе фею присвоил, а мне вот этот вот сокровище пророчишь?

– Вдруг это судьба?

– Да какая судьба? – я вконец рассвирепел. – Чудовище!

– По крайней мере, ты не можешь отрицать, что она выделяется на фоне всех остальных.

– Угу. Еще как. И не в лучшую сторону, – огрызнулся и потребовал от официантки еще медовухи, твердо решив достигнуть своей цели – напиться.

В день первого испытания я проснулась рано, едва на востоке забрезжил восход. Сон тут же рассеялся, и я при всем желании не смогла бы сказать, что именно там было. Помню только Нольда, который смотрел на меня влюбленными глазами и говорил «радость моя, как хорошо, что ты приехала!».

Настроение после таких приятных сновидений было приподнятым, поэтому я легко выскочила из-под одеяла и начала собираться. Сама заправила кровать, приняла ванну, причесалась, и к тому моменту, как в дверь постучалась Ромерта, была уже почти готова. Она быстрым взглядом скользнула по мне, по заправленной постели и недовольно поджала губы, правда тут же встрепенулась, заметив брошенное на стул влажное полотенце.

– Молодая леди очень самостоятельная, – произнесла она не то с укором, не то с одобрением, – не оставляет старой Ромерте работы.

Я не знала, что ей ответить. То ли извиниться, то ли сказать, что не стоит благодарности. Около восьми приехал завтрак.

– Нас так и будут кормить каждую в своем закутке? – ворчливо поинтересовалась я, наблюдая за тем, как камеристка ловко накрывает на стол. Вот что значит опыт – ни единого лишнего движения, быстро и с достоинством. – У нас дома принято собираться всем за одним столом.

– Поверь, дорогая, это самый лучший вариант. Есть отдельно от всех.

– Это почему?

– Можешь не опасаться, что тебя отравят, подсыпят снотворного, слабительного. Или подольют зелье, от которого вся пойдешь чирьями размером с лягушку.

Я удивленно на нее уставилась, пытаюсь понять смысл сказанного. Камеристка это заметила и снисходительно пояснила:

– Война за мужчину всегда самая беспощадная. Тем более за такого, как наш блондинчик, – о Нольде она говорила ласково, с любовью.

– Да какая война? Будем проходить испытания, все в равных условиях. Результаты фиксирует беспристрастный аххис. Его не обманешь... Что?

Старушка смотрела на меня с сочувственной улыбкой:

– Думаешь, претендентки не подготовили козыри?

– А что, надо было?

Вот тут я растерялась. Никаких козырей я не готовила, ехала на отбор в полной уверенности, что меня ожидают честные состязания.

– У-у, – протянула она, покачав головой, – тяжело тебе придется.

– Почему?

– Потому что битва будет не только во время испытаний, но и за их пределами. Половина девушек вылетит с отбора не потому, что не справились с заданиями, а потому что соперницы постарались.

– Вы-то откуда знаете?

– Да уж бывала на отборах. Правда, не в Ралессе. В восточной столице давно отборы не проводятся, – она наложила мне полную тарелку ароматной каши с кусочками фруктов. – И вот что я тебе скажу: сейчас начнутся закулисные игры.

Сказанное Ромертой меня расстроило. В закулисных играх я не сильна. Это Илонка бы как рыба в воде себя чувствовала и с милой улыбочкой строила козни другим, а я так не умею. Сестра меня часто подставляла, а потом смеялась и называла простофилей.

– К чему еще мне готовиться? – спросила, вяло ковыряясь в каше.

Аппетит пропал, как и хорошее настроение.

– Трудно сказать. Присмотрись к остальным. Обычно самые опасные соперницы те, кто изначально занимают позицию королевы. Уже появилась такая?

Перед глазами сразу всплыл образ капризной Натаэллы.

– Появилась.

– Вот. С ней ухо остро. Она сначала окружит себя прихлебательницами, будет с их помощью других участниц выкидывать, а потом и от помощниц избавится.

– Поняла.

– Так же держись подальше от самой тихой и услужливой. В глаза будет улыбаться, а за спиной – яд в стакан сыпать.

Эх ты ж. Похоже, я плохо разбираюсь в людях.

– Обычно самые безобидные, это такие как... ты. Слепо верят в справедливость и вылетают первыми.

Я молча жевала, думая о нелिцеприятной правде, которая передо мной открылась, а камеристка в это время наливала мне ароматный чай.

– А какие испытания нас ждут?

– Не могу сказать, потому что не знаю. Служанок не посвящают в такие планы. Но, исходя из опыта, могу предположить, что вас будут проверять на сообразительность, манеры и прочие качества, которыми должна обладать хорошая жена. Учти, это только предположения, не знаю, насколько они соответствуют правде.

Я мысленно пробежалась по своим качествам. Как по мне, так все на месте. Не глупая, не ленивая, не вредная – наоборот: отзывчивая, порой даже слишком. Не люблю унывать и жалеть себя. Правду говорю. Только не знаю, этого ли ждет семья наместника.

М-да, похоже, все будет совсем не просто, и в своих мыслях я поторопилась, складывая золотишко в новенькую тачку и увозя ее в закат.

За жениха и золотишко еще побороться надо, и только теперь я поняла, что это будет борьба без правил.

– Пора.

До первого испытания полчаса, но Ромерта настояла на том, чтобы мы вышли пораньше.

– Нельзя задерживаться, – убежденно прокричала она, в последний раз осматривая меня с ног до головы, – лучше прийти пораньше, чем...

– Чем опаздывать. Я помню, – не то чтобы я была по жизни непунктуальной, но такое кропотливое отношение к секундам казалось мне нелепым, – не будут же нас встречать в дверях с секундомером в руках.

– Запросто. Смысл отбора не только в этих пяти испытаниях, он в мелочах.

Спорить я не стала и покорно позволила ей меня сопровождать. Все равно сама заплутаю.

Пока шли мимо комнат других претенденток, с интересом заглядывала в те двери, что были приоткрыты. Двери большие, красивые, а комнаты за ними маленькие, не то что моя. Повезло мне с хоромами, ой повезло.

Немного впереди меня в коридор вывернула Натаэлла. Вся такая гордая, нос к потолку задран, во взгляде превосходство, словно она тут уже полноправная хозяйка. Меня она своего царского внимания не удостоила, даже бровью не повела, просто прошла мимо. За ней по пятам следовала молоденькая шуплая служанка.

Вообще, я заметила, что у всех служанки были молодыми, скромными, даже какими-то пугливыми, и только у меня суровая старушка, которая коршуном смотрела по сторонам, цепляясь взглядом за каждого, кто появлялся на пути.

Еще с двумя девушками я столкнулась в конце коридора. Одна хмурая, как сапожник у нас в Боунсе, при виде меня буркнула что-то похожее на «доброе утро» и поспешила прочь. Другая, наоборот, расплылась в приветливой улыбке:

– Меня Люси зовут, а тебя? – прошептала, подлетая ко мне.

– Ксана, – ответила сдержано, хотя была уверена: после вчерашнего икания все прекрасно запомнили мое имя.

– Очень приятно, – она счастливо рассмеялась, – уверена, мы подружимся.

От ее слов и открытой улыбки меня в душе немного потеплело. Я бы не отказалась от подруги в такой непростой момент.

– Ой, прости, я забыла взять веер! – встрепенулась она и бросилась со всех ног обратно в комнату. – Увидимся на испытании.

– Конечно, – я тоже улыбнулась, чувствуя, что настроение медленно ползет вверх. Мы с Ромертой пошли дальше, и я, не удержавшись, произнесла. – Она милая, правда?

– Да. Как детеныш гадюки.

– Ромерта! Так нельзя! Она подошла, поздоровалась...

– ...Прикинула, сколько на тебя потребуется отравы в случае чего, – невозмутимо ответила мнительная служанка, – не бери у нее из рук ничего! Улыбайся, но близко не подпускай. Это как раз та змея, которая в глаза улыбается и кусает в спину.

Я только рукой махнула. Ромерте везде мерещились интриги и заговоры, а мне, если честно, совершенно не хотелось верить в такой расклад. Ну не могли все эти девочки быть такими мерзавками! Да и как вообще жить, если в каждом видеть врага?

К Красному Залу вела картинная галерея. Со стен на нас смотрели великие деятели прошлого и настоящего, светлый потолок терялся где-то на невообразимой высоте, а под ногами изредка едва уловимо поскрипывал начищенный до зеркального блеска паркет. Я немного оробела от такой красоты и только успевала головой по сторонам крутить, тщетно пытаясь ничего не пропустить. Здесь можно неделю бродить и каждый день что-то новое открывать!

Возле зала собралась все та же компания. Натаэлла со своей свитой обсуждала первое задание, хмурая девушка стояла поодаль от них, без энтузиазма рассматривая картину, еще двое притаились в углу.

Я тоже встала в сторонке, чувствуя себя не в своей тарелке. Мне покоя не давали слова служанки о том, что борьба будет нечестной, поэтому исподтишка поглядывала на остальных, пытаясь понять, кто на что способен.

Ровно в десять резные двери распахнулись, и нас пригласили внутрь.

Первое, о чем я подумала, переступив порог, это что меня снова занесло в школу.

В самом центре стояли парты – по четыре в ряд. На каждой свиток и красивое перо. Попахивало экзаменами.

Чуть в стороне на роскошном кресле восседал наместник, по правую руку от него – леди Матильда, а по левую – Нольд, который, столкнувшись со мной взглядом, скучился и отвернулся. Наверное, засмутился, бедный. Рядом с ним сидел Джер и смотрел на нас с гораздо большим любопытством, чем сам жених. Больше никого в зале не было, если не считать нас и бодрого распорядителя, стоявшего возле парт.

У окна полыхал аххис – все двадцать девушек, и у каждой свои песочные часы, полные рубинов.

– Занимайте места, которые вам больше нравятся, – с приветливой улыбкой пригласил распорядитель, и все устремились к партам. Каждая хотела оказаться подальше от распорядителя. Можно подумать, есть откуда списывать!

Я только плечами пожала и села за вторую парту, сразу за хмурой девицей. Место в соседнем ряду пустовало, потому что одна из девушек задерживалась.

Круглые золоченые часы на стене гулко оповестили о том, что время пришло. В тот же самый момент Барсон достал из кармана жилета еще одни маленькие песочные часики, перевернул их и поставил на ближайший стол.

– Дорогие участницы отбора. Первое испытание начинается. Как вы сами понимаете, женой сына наместника не может стать девушка необразованная и глупая. Поэтому первым делом вас проверят именно на это. Если вы не умеете писать, читать, считать, то здесь вам делать нечего.

Соперницы рассмеялись. Считать умели все, как и писать, поэтому внезапно всем стало весело. Но у меня смех застрял в горле, потому что вспомнила слова Ромерты о том, что будут проверять на сообразительность. Надо будет читать задания внимательно и искать подвох.

Тем временем песчинки перетекли в нижнюю часть часиков, и Ленд, легко кивнув слуге у входа, убрал их в карман.

Двери с тихим стуком закрылись... а одна из фигурок на аххисе исчезла.

– Но, сэр, – подняла руку Люси, привлекая к себе внимание распорядителя, – нас же двадцать.

– Испытания начинаются в десять. Все, кто хотел на него прийти – пришли, – прохладно отозвался он и обвел суровым взглядом остальных, как бы говоря, что такая участь ждет любую опоздавшую претендентку.

Я нервно сглотнула, чувствуя, как на спине холодный пот выступил. Пока что старая Розмерта права во всем, что касается отбора. Украдкой глянула на Натаэллу, на тех, кто рядом с ней, на Люси. Потом перевела взгляд на блондина, который со скучающим видом подпирал щеку рукой и смотрел в окно.

М-да, придется постараться.

– Задание у каждой написано в свитке. Приступайте! – скомандовал распорядитель, и мы дружно схватились за перья.

Первый же вопрос ввел меня в ступор.

Рассказать о правлении Уорлика какого-то там. Я о нем знала только то, что он был. Лет двести назад, первый наместник Ралесса, назначенный Императором. Он настрогал два десятка внебрачных детей и одного законного наследника. Но, несмотря на распушенность и свободу нравов, его правление было весьма удачным – город расцвел и прочно закрепился на позициях Восточной столицы Туарии. Император остался очень доволен, и с той поры титул наместника стал передаваться по наследству. Все. На этом мои познания иссякли. Итог: две строки в свитке.

История никогда не была моим любимым предметом. Справедливости ради надо сказать, я была не одинока. Быстро оглянувшись, заметила по крайней мере у половины участниц такие же сконфуженные физиономии, как и у меня. Невесты ехали очаровывать огненного мага и никак не ожидали того, что их посадят за парты и заставят отвечать на скучные вопросы.

– Извините! – снова взметнулась рука Люси.

– Да? – распорядитель снисходительно посмотрел на нее.

– Что будет, если я отвечу не на все вопросы? – поинтересовалась девушка и тут же покраснела, увидев, как взметнулись кверху брови Барсона. – Я просто уточняю... на всякий случай... – в самом конце ее голос обреченно затих.

– Если вы не напишите ничего – естественно, покидаете отбор. Остальных будем оценивать по количеству набранных баллов. Та, у кого их окажется меньше всех, тоже собирает вещи и уезжает домой. Так что если сомневаетесь в своих силах, можете сразу сдавать и не тратить время.

– Спасибо! – пропищала Люси и уткнулась в свой свиток. Щеки у нее просто полыхали от стыда.

Сбоку послышалось высокомерный хмык. Надменный взгляд Натаэллы скользнул по Люси так, будто находиться с ней в одной комнате было как минимум неприятно. Я вытянула шею, пытаюсь увидеть, сколько у нее написано, и пригорюнилась, обнаружив текста в пять раз больше, чем у меня.

Надо поднажать. Я не хочу вылетать с отбора только потому, что в школе не слушала скучные лекции по истории.

К счастью, второй вопрос был посвящен географии. Не то чтобы я была великим географом, но книг прочитала достаточно. Поэтому ответ на вопрос мне был известен. Высунув от усердия язык, я принялась торопливо писать ответ. Перо тихо поскрипывало, в голове все четко и ясно...

И тут в дверь раздался стук. Нервный, отчаянный, громкий. Снаружи кто-то барабанил по двери изо всех сил.

От неожиданности я вздрогнула и едва не поставила жирную кляксу. Все девушки тоже встрепенулись и с интересом наблюдали за тем, как Барсон важным шагом идет к двери и распахивает ее.

На пороге стояла двадцатая претендентка на сердце жениха.

– Простите, я опоздала! Дверь заклинило, и я никак не могла выйти из комнаты, – пропыхтела растрёпанная запыхавшаяся блондинка и попыталась зайти внутрь, но распорядитель не спешил отступать в сторону. Так и стоял в дверях, преграждая ей путь.

– Боюсь, ваше участие в отборе завершилось, – произнес он без единой эмоции, – аххис уже вывел вас из числа претенденток.

– Что? Как? – у нее вытянулось лицо, а глаза стали огромные-преогромные. – Но почему?! Я же опоздала всего на десять минут.

– Всего? Вы считаете такой ответ допустимым?

Девушка беспомощно затряслась:

– Нет... но... я же не по своей воле задержалась. Я просто не могла выйти... Дверь не открывалась.

– Мне жаль, – без улыбок ответил Ленд Барсон. – Правила отбора строги и одинаковы для всех.

– Но можно ведь что-то сделать? Пожалуйста!

– Разрешить приступить к испытанию претендентке, вовремя на него не явившейся, может только... жених.

Все взгляды устремились на Нольда, который, чуть склонив голову набок, лениво наблюдал за происходящим.

– Пожалуйста, – она сложила ладони и с мольбой посмотрела на сына наместника, – этого больше не повторится.

– Что скажете? – Барсон тоже обернулся к блондину.

– Я очень ценю пунктуальность, – холодно ответил Нольд, и его красивые губы чуть дрогнули в циничной, наигранно-сочувственной улыбке, – мой ответ – нет.

Вот поганец! Жалко ему, что ли? Пусть бы вошла. Может, она умная, и показала бы себя с самой хорошей стороны.

В этот момент я заметила улыбку Натаэллы. Полную холодного торжества и злорадства. Она даже не пыталась спрятать ее, прикрыться лживым сочувствием. Нет, она ликовала, глядя, как по щекам блондинки побежали горькие слезы. Ее самодовольство было так очевидно, что я поняла – дверь у бедняги заело не просто так.

Началась та самая нечестная игра, о которой меня предупреждала мудрая Ромерта.

Быстро скользнув взглядом по остальным, я поняла, что сочувствие на отборе вообще популярностью не пользуется. Все сидели тихо, молча, не шевелясь. Никто не возмущился, не бросился поддерживать бедную девушку, которая уже рыдала, сотрясаясь всем телом. Да и бесполезно это – последнее слово за Нольдом, а он уже сказал свое жестокое «нет».

Все правильно. Чем меньше конкуренток, тем больше шансов на победу. Каждая сама за себя. Главное – победа, на каждом этапе кто-то непременно будет вылетать.

Только почему внутри так гадко и неприятно?

Я снова склонилась над свитком, растеряв все свои умные мысли, а из коридора все еще доносился громкий плач первой жертвы отбора.

На выполнение задания нам выделили три часа, но мне показалось, что прошла всего пара мгновений. Не знаю, как остальным, но лично мне стоило немалого труда снова сконцентрироваться на свитке, а не на том, что произошло с опоздавшей претенденткой. Чисто человечески было жалко, но оказаться на ее месте не хотелось, поэтому, высунув кончик языка, старательно писала ответы.

За пятнадцать минут до назначенного срока Натаэлла первая сдала работу, а следом за ней одна за другой начали сдавать и остальные. Двери были по-прежнему закрыты, поэтому уйти никто не мог. Да и не спешил. Наоборот, все потянулись к Смотрящим и жениху и увлеченно начали болтать, задавать миллионы вопросов, иногда наигранно весело и громко сме-

ясь. Наместник и его жена с готовностью общались с потенциальными невестками. Джер тоже принимал активное участие в беседе. Но меня больше всего волновал жених.

Я ревниво смотрела на Нольда, опасаясь увидеть в его глазах интерес к какой-нибудь из девиц, что вились возле него с соблазнительными улыбками, но он был на редкость спокоен и даже, показалось, равнодушен. Зато соперницы все вокруг него сгрудились: кто в глаза заглядывает, кто льстиво восхитится тем, какой он умный, сильный, красивый, а Натаэлла так вообще порывалась взять его под руку.

Это нервировало. Отвлекало. Я никак не могла завершить ответ на последний вопрос, который касался закупки зерна. По условиям задачи было все просто и понятно. Уж в чем-чем, а в цифрах я чувствовала себя, как рыба в воде. Мне не составило труда все решить и расписать, даже графики для наглядности нарисовала. Но с практической точки зрения в задаче были слабые места. Дома я нередко участвовала вместе с отцом в торгах, в закупках и знала, как можно сэкономить, как распределить покупки таким образом, чтобы бы они нанесли меньший удар по кошельку. Маменька всегда говорила, что из меня вышел бы прекрасный казначей или умелый ростовщик. Поэтому под решением я расписала все свои мысли по этому поводу, сэкономив таким образом четверть отпущенного задачей золота.

– Время вышло, – объявил Барсон, – у вас есть десять секунд, чтобы сдать работы.

Я поспешно дописала последнее слово, поставила жирную точку, едва не проткнув бумагу насквозь, и отложила перо. Мой свиток плавно поднялся в воздух и завис над моей головой.

– Займите свои места!

Девушки засуетились, заохали и бросились к своим партам, и едва они расселись, как Люси снова подняла руку:

– Когда будут известны результаты?

Меня тоже очень беспокоил этот вопрос. Не представляю, как пережить эти дни в неведении, все волосы от волнения повыдираешь.

Однако ответ распорядителя нас удивил... и испугал:

– Результаты будут известны прямо сейчас.

Сердце ухнуло куда-то вниз, и по спине заструился холодный пот. Я и не догадывалась, что умею так переживать. От волнения стало трудно дышать, затряслись руки. Пришлось вцепиться в колени, чтобы никто не заметил мое состояние.

В зале повисла тишина.

Наши свитки заискрились и плавно поплыли по воздуху к ожившему аххису. Каждый занял свое место под мерцающей фигурой и начал медленно вращаться на месте. В это же время из верхней части песочных часов начали сыпаться рубины. У кого-то медленнее, у кого-то быстрее.

Все девушки, затаив дыхание, смотрели на свои часы, казалось, что воздух искрит от нараставшего напряжения. У меня упал один рубин, потом, словно нехотя, второй, третий. Затем сразу еще пяток. Наверное, их количество зависело от того, насколько был точен ответ на тот или иной вопрос.

– Пожалуйста! – прошептала про себя, с ужасом заметив, что у соседних фигурок результат лучше.

У Натаэллы так вообще камни сыпались один за другим, образуя самую внушительную горку, а она сама аж светилась от самодовольства.

Мой результат был скромным. Не самая слабая, но даже до среднего уровня не дотягивала. Теперь уже нервы звенели, как натянутые струны. Взгляд метался от одних часов к другим. Я наблюдала за своими рубинами и пыталась увидеть результаты всех остальных.

Натаэлла – несомненный лидер, у нее почти все кристаллы упали вниз. Еще три тоже набрали прилично. Дальше шла целая группа середнячков – примерно одинаково, плюс минус несколько камней. Затем отстающие. И я – в их числе!

Я не хочу вылетать! Не хочу ехать домой после первого же испытания! Не хочу!

Сразу представилась злорадная физиономия сестры. Вот Илона порадует, если я вернусь так быстро! Будет смеяться, говорить, что так и знала, что не следовало мне никуда ехать, что толку от меня ноль, лишь опозорила семью. Во рту стало горько, а сердце заколотилось с такой силой, что казалось еще миг – и пробьет ребра.

В мою горку упал еще один жалкий камень, потом тишина... и внезапно они посыпались один за другим. Просто полились рекой. Это за ответ на последний вопрос, да? Не зря я там все расписала?

Не в силах поверить в свое счастье, смотрела, как уровень кристаллов в моих часах поднялся до середины, и спустя несколько мгновений все замерло.

Подсчет результатов завершился.

Аххис замерцал, и две фигуры стали красными. В их часах было меньше всего камней. Фигуры опустились вниз и, моргнув в последний раз, погасли.

Девушка, сидящая справа от меня, тихо охнула, зажала рот рукой, и из ее глаз покатались крупные слезы.

– Что ж, результаты объявлены, – распорядитель сдержанно улыбнулся, – тех претендентов, которые справились с заданием – от души поздравляем. Ждем вас на следующем испытании, а пока можете отдыхать. Выбывших просим покинуть замок в течение сегодняшнего дня.

Из зала я выходила в смешанных чувствах. С одной стороны: радость от того, что справилась и прошла дальше. А с другой – горечь во рту так и не проходила. Первое же испытание – и минус три претендентки.

Отбор все меньше казался мне веселым приключением.

Глава 8

– Как все прошло? – обеспокоенно спросила Ромерта, когда я, словно мрачная туча, вплыла в комнату, – не справилась?

– Справилась. И даже не с самым плохим результатом, – ответила приглушенно и поплелась в гардеробную, на ходу расстегивая браслет.

– Что же не улыбаешься?

– Настроения нет... – и в двух словах рассказала о том, как прошло испытание, как вылетела опоздавшая девушка и как улыбалась Натаэлла.

– А чего ты ждала? Это отбор, а не увеселительная прогулка.

– Теперь я это поняла.

– Собираешься бросить?

– Ни за что. Просто все оказалось немного не так, как я думала. Справлюсь.

Хотелось переодеться во что-то полегче, попроще, но моим планам было не суждено сбыться.

Едва я потянулась к пуговкам на лифе, как в дверь постучались, и Ромерта поспешно пошла открывать. Из гардеробной я слышала лишь неразборчивые голоса, а потом камеристка появилась на пороге, протягивая мне маленький конвертик из бежевой бархатной бумаги.

– Это что? – я озадаченно не него уставилась.

Вряд ли кто-то из дворца будет писать мне тайные послания.

– Приглашение на обед.

– Да? С чего бы это? – похоже, во мне пробуждалась подозрительность.

– Твоя мечта обедать за общим столом сбылась. Всех претенденток приглашают в малую столовую.

– Жених тоже будет? – тут же востепенелась я.

– Вряд ли. Обычно такие обеды устраивают позже, когда большая часть соперниц уже вылетит с отбора.

– Значит, мне придется наслаждаться обществом этих змеюк?

– Именно так.

Особым желанием я не горела, но и отказаться не могла. Традиции – это святое. Поэтому вздохнула, с тоской посмотрела на простое платье, в которое мне так и не удалось переодеться, и отправилась на обед, как всегда, в сопровождении своей сухонькой служанки.

Семнадцать девушек собрались за вытянутым столом. Белоснежная скатерть, серебряные столовые приборы, посуда, сверкающая, как зеркало.

Слева от меня сидела Ундина, справа – Бренна. Чуть поодаль – Люси между двух тоненьких, словно тростинки, блондинок, одну из которых звали Тея, вторую Лея. Хмурая Бет в самом конце стола. Практически напротив меня – Натэлла и две ее самые верные приспешницы: рыжая Леона и еще более рыжая Клэр. Остальных я не запомнила, и, если честно, не очень-то и старалась. Смысл? Если через несколько дней кто-то опять вылетит?

Надеюсь, что не я.

Не знаю, в чем был смысл этого обеда. То ли мы должны были присмотреться друг к другу, то ли подружиться. Понятия не имею. Я просто ела. Как всегда. И мне было очень вкусно. Настолько вкусно, что даже настроение стало повышаться, и я уже поглядывала по сторонам не хмуро, а с каким-никаким интересом.

Сначала девушки держались скованно, отстраненно, исподтишка наблюдая друг за другом, но постепенно начали переговариваться, а к концу обеда уже болтали без умолку.

– Я не хотела ехать на этот отбор, – произнесла Клер, поднимая страдальческий взгляд к потолку, при этом кокетливо накручивая на палец рыжую прядь, – меня заставили.

Правда, что ли? Вот бедняга.

Следом подала голос другая девица, имени которой я не знала:

– И меня. Я так рыдала, упрашивала отца, но он был непреклонен.

– И я рыдала, – вставила еще одна претендентка.

– А я не рыдала, – гордо выдала Натаэлла, – я твердо сказала родителям, что так просто не сдамся и не собираюсь выходить замуж по приказу. Им меня не заставить.

– Я так же сказала, – тут же добавила Люси, – и вообще, кто захочет выходить замуж за такого? Он несносный! Надменный...

– А я терпеть не могу блондинов...

– И он вообще не в моем вкусе...

– Это нас должен покорять, а не мы его...

Я смотрела на них во все глаза и не понимала – что же это такое происходит? Что это за коллективный плач и жалобы на несправедливую судьбу, пригнавшую их в Восточную столицу на отбор, посвященный сыну наместника? Что за бунт? Никто не хотел сюда ехать? Всех заставили? Пригнали, как на каторгу? Это что, заговор какой-то?

Я искренне недоумевала, переводила взгляд то на одну, то на другую и слушала их стечения, пустые угрозы, чопорное фыркание. А потом внезапно поняла.

Они все ввали! Все до единой! Это просто игра. На мой взгляд, совершенно глупая и бесполезная. Каждая из них глазами пожирала Нольда, стоило ему оказаться рядом, и я до сих пор не могла забыть, как они вокруг него в Красном зале крутились и в рот заглядывали.

Ничего не говорила только хмурая Бэт. И на том спасибо, хоть какая-то молчаливая правда в этом щебечущем море хвастливого вранья.

М-да. Я была в полной растерянности. Вникать в эти игры совершенно не хотелось. Но к счастью, у меня есть золотое правило, которое выручало и не раз: в любой непонятной ситуации – молчи и ешь. Поэтому я просто положила себе еще кусок тортика, соскребла с него воздушный крем и с удовольствием отправила в рот.

Увы, в этот раз золотое правило не сработало.

– А ты... эээ... Сандра? – Натаэлла посмотрела прямо на меня с легкой и одновременно какой-то пренебрежительной улыбкой.

– Ксана, – поправила я.

– Ах да, Ксана, извини, перепутала, – очередная ядовитая полу улыбка-полуусмешка, – тоже не смогла противиться родительской воле?

Поняв, что отмолчаться не получится, я отложила в сторону приборы и посмотрела на нее. Строить из себя несчастную жертвенную овцу не в моих правилах, да и с раздражением от окружающего лицемерия мне справиться не удалось, поэтому улыбнулась, плечами пожала и спокойно ответила:

– Нет. Меня никто не заставлял. Я сама захотела.

– Сама? – Натаэлла сморщила нос, глянув на меня с деланным удивлением. Дескать, разве можно такого хотеть.

– Да. Когда Барсон к нам приехал, отодвинула в сторону сестру и поставила свою подпись. Она так визжала, ей так хотелось на отбор. Думаю, бедняга до сих пор ядом брызжет.

– Да ты что? – встряла Люси. – Что же тебя вынудило на такой отчаянный шаг?

– Хм, дай подумать... – приложив палец к губам, я задумчиво посмотрела в потолок.

– Может, желание победить? Я, в отличие от вас, сюда не поныть приехала, а за женихом. И если он так вам всем противен, то, может, сэкономите мне время и провалитесь на следующем задании? Буду очень благодарна.

На зал обрушилась такая тишина, что стало слышно, как шелестят шторы на окне и кипят кровожадные мысли в голове у претенденток. Возразить они ничего не могли, потому что пять минут назад с пеной у рта утверждали, что нет хуже участи, чем попасть на этот проклятый отбор, и если сейчас начнут говорить обратное, то это будет выглядеть глупо и пошло.

Натаэлла пошла багровыми пятнами и вперила в меня яростный взгляд. Я пожалала плечами, подчерпнула еще кусочек торта и отправила его в рот. Наверное, потом придется пожалеть о своей несдержанности, но это будет потом.

– Я, кстати, тоже приехала за женихом, – подала голос Бэт, и впервые на ее хмурой физиономии проскочило что-то похожее на улыбку, – так что нас двое. Остальных можно в расчет не брать. Они здесь не по своей воле и ждут не дождутся, когда их отправят домой.

Похоже, она одна из присутствующих оценила мое выступление, остальные точно не прониклись.

Еда была приятная, а компания не очень, поэтому после обеда остались смешанные ощущения. К своему стыду я пришла к выводу, что семнадцать претенденток – это лучше, чем двадцать: меньше концентрация яда на квадратный метр. Подругами здесь точно не обзавестись, да и не за тем я сюда приехала, чтобы дружбу водить. Ромерта права: каждый сам за себя.

В комнате я, наконец, сделала то, о чем мечтала – переделалась, распустила волосы, собранные в тугий пучок, от которого уже начинала болеть голова, и вышла на террасу.

Погода стояла прекрасная – легкие облака лениво ползли по небу, отбрасывая ажурные тени на мощеную площадь перед замком, едва заметный ветерок неспешно перебирал волосы, шуршал подолом и покачивал розовые бальзамины, цветущие в напольных вазонах. Один кустик совсем пожелтел, не цвел и скинул половину листьев. Я с сожалением коснулась его рукой, а потом снова обратила взгляд на город.

За аркой кипела другая жизнь, и мне очень хотелось ее увидеть. Поэтому через две минуты, наспех собравшись, я уже неслась по коридору навстречу новым ощущениям.

Меня никто не остановил, не спросил, куда я собралась. Встретившаяся на пути прислуга лишь кланялась да исподтишка смотрела вслед. Им тоже было интересно, каких невест привезли для блондина.

Я старалась идти спокойно, с чувством собственного достоинства, и не замечать любопытных взглядов. Вот Илонка бы тут развернулась, мне же было спокойнее и комфортнее там, где ветер, где свобода. Но она осталась в Боунсе, а я приехала в Ралесс, где всем и каждому интересно, что на мне надето, что я ела, с кем общалась, а мне совсем не хотелось делиться сокровенным.

По ступенькам я сбегала, предусмотрительно подхватив длинную юбку – наступить на подол и кубарем скатиться вниз, конечно, вполне в моем духе, но не стоит всех шокировать своей природной ловкостью и грацией.

– Леди желает карету? – тут же рядом со мной появился учтивый лакей.

– Нет. Спасибо, – не оборачиваясь, ответила ему и бодро пошла прочь.

Я собиралась посмотреть город изнутри, вдохнуть воздух, окунуться в суету и новые ощущения, и мне совершенно не хотелось делать это из кабины кареты, путаясь в пыльных шторах.

Высокая арка вблизи казалась еще внушительнее и строже, чем из окон дворца. Когда я проходила под ней, мои шаги гулко раздавались, отражаясь от стен, украшенных строгими узорами. Неторопливо прогулялась по мосту, то и дело останавливаясь, чтобы облокотиться на перила и посмотреть на темную воду, в которой отражались моя любопытная физиономия и мост.

Едва сойдя с него и повернув на широкую улицу, я остановилась, изумленно оглядываясь по сторонам. На меня обрушилась суматоха, шум, смех, ржание лошадей и человеческие

голоса. По дороге туда-сюда сновали разномастные экипажи, спешили одинокие наездники, а по тротуарам неспешно прогуливались горожане. Мимо пестрых витрин, на которых призывно мерцали товары, я шла, широко распахнув рот. Мне раньше казалось, что наши лавочки в Боунсе – это верх роскоши и красоты, но сейчас я поняла, что это просто закутки, в которых продавались товары для малоимущих.

Вдруг мне почудилось, что и мое любимое платье выглядит убого, да и я сама не очень. Сразу видно – девочка приехала из захудалого городка. На миг стало неудобно.

Но только на миг.

Собственно говоря, я кто? Девочка из деревни и есть. И когда я этого стеснялась? Правильно. Никогда.

Внутри тут же отпустило, хорошее настроение вернулось, и я пошла дальше, все так же восхищенно глядя по сторонам с открытым ртом. Когда еще выпадет шанс погулять по Ралессу?

Сколько я бродила – не знаю. Жадно впитывая происходящее, всматриваясь, ловя каждую деталь. Одна улочка, вторая, третья. Ноги сами несли вперед. Все дальше и дальше, не обращая внимания на то, что легкие сумерки коснулись города.

Очнулась, только когда очутилась на выезде. Широкая дорога убегала вперед – к тому самому мрачному замку, что высился среди холмов, утопая в зелени.

Эта махина приковывала к себе взгляд. Мне хотелось отвернуться, но я просто не могла этого сделать. Смотрела, смотрела, смотрела... До тех пор, пока не заслезилась от напряжения глаза и не заломило в висках.

Меня обуревали противоречивые чувства: с одной стороны – замок мне не нравился до такой степени, что хотелось развернуться, уйти и больше никогда не возвращаться, не видеть и даже не вспоминать, а с другой – меня что-то подталкивало вперед. Странное ощущение, будто мне туда надо по делам, и эти дела хоть и неприятные, но крайне важные, и я вроде как просто обязана их закончить. Мало того, мне внезапно показалось, что именно за этим я и приехала в Ралесс.

Загвоздка только в том, что никаких дел у меня там не было и быть не могло. Я даже не знала, что это за место. И в Восточную столицу я приехала не для того, чтобы по темным замкам бегать, а за женихом!

Еще немного постояла, посмотрела, пытаясь разобраться в своих чувствах, а потом махнула рукой и пошла обратно, твердо для себя решив, что странные замки меня не интересуют, и вообще пора ужинать.

На следующий день нас всех пригласили на коллективную прогулку невест по дворцовому парку. Тут же пошел слухок, что к нам собрался присоединиться сам женишок, поэтому девушки разделись, расфуфырились, нарумянили щеки и пошли ловить сына наместника. Лично я не видела ничего интересного в том, чтобы, словно стая гусынь, метаться из одного края парка в другой, а потом всем скопом наброситься на бедного блондина. Я бы на его месте точно сбежала.

Поэтому оделась по-простому, на макушку нацепила шляпку с кружевными полями, кинула в сумочку немного монет и сразу после завтрака снова отправилась в город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.